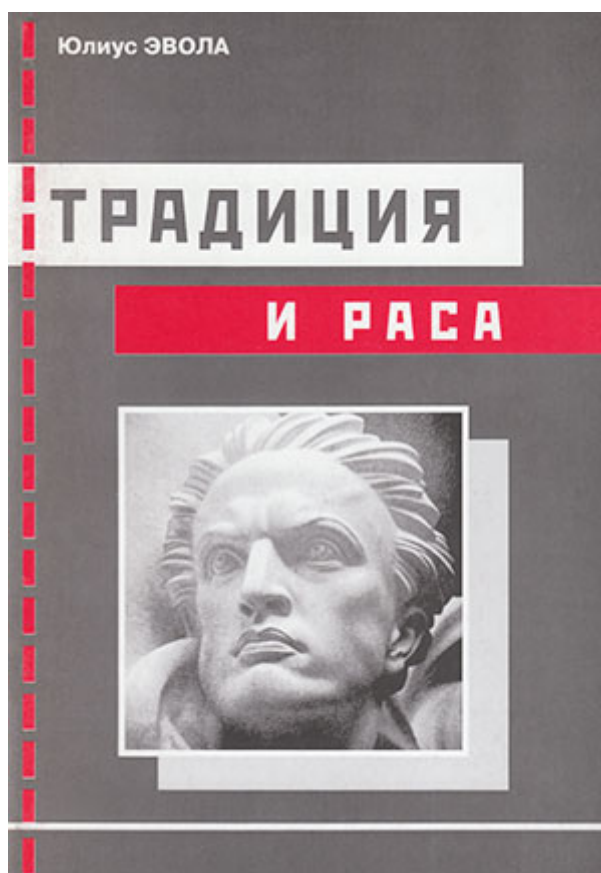

Юлиус Эвола

ТРАДИЦИЯ И РАСА

ЭВОЛА Юлиус

ТРАДИЦИЯ И РАСА. / Перевод с итальянского Е. В. Зарубина. Новгород: «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», 2007. – 72 с: илл.

Крупнейший итальянский консервативный мыслитель Юлиус Эвола (1898-1974) исследует проблему расы с точки зрения философии традиционализма. Он указывает на опасность чисто биологического подхода к «расовой теории», выдвигая на первый план так называемые расы души и расы духа.

Работы разных лет, вошедшие в сборник – это серьезные исследования, представляющие собой широчайшую ретроспективу духовно этнического фактора в мировой истории.

© Зарубин Е.В., перевод с итальянского, 2006.

© «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», 2007.

Редактор А.В. Лыгов

Технический редактор Г.О. Мальков

Корректоры Н.Л. Крученый, Д.С. Кротов

Тираж 300 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

РАСА КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕЯ	2
УКАЗАНИЯ ПО РАСОВОМУ ВОСПИТАНИЮ	11
АРИЙСКАЯ ДОКТРИНА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ.....	43
НАСЛЕДИЕ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ И РАСОВАЯ ИДЕЯ	50

РАСА КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИДЕЯ

«Точно так же, как в случае с чистокровной лошастью или кошкой, биологический элемент является центральным, человек представляет собой биологическую и антропологическую реальность, но связанную с элементами, силами и законами иного, сверхбиологического характера».

§1. Расовая идея как антиуниверсализм

Расовая идея – это движущая сила национализма, ибо ощущать свою принадлежность к определенной расе важнее, чем ощущать принадлежность к одной нации. В качестве политического мифа раса – это «живая» нация, которая не укладывается в абстрактные, юридические или территориальные рамки и не исчерпывается простым единством цивилизации, языка или истории. Концепция расы глубже этого, она достигает всеобщих начал и, будучи неотделимой от чувства непрерывности, затрагивает глубочайшие струны человека.

Расовая теория оживляет чувства, которые восходят к донациональным формам общества. Род, происходящий от одной патриархальной или патрицианской семьи, связан кровным единством.

Современные концепции представляют нацию как объединение разнородных элементов, которые нельзя ни прямо, ни косвенно определить как единокровные. Одно из этого соображения достаточно для того, чтобы показать, что для законного перехода от национального чувства к более энергетическому расовому чувству необходима концепция расы, отличная от элементарной, определяемой чисто биологическим элементом. Нужно принять во внимание и ряд других факторов.

Согласно расовой теории, «человечество» есть абстрактная фикция, некая конечная фаза процесса инволюции, распада, коллапса. В действительности человеческая природа различна благодаря различию кровей и рас. Это различие является первичным элементом.

Такое соотношение между ценностью расы и ценностью личности подтверждается тем фактом, что расовая идея политически противостоит демократическому миру, а в культурной сфере – конструкциям и предрассудкам буржуазного общества, утверждая принципы доблести, благородства и достоинства, которым нельзя «обучить», но которые человек либо имеет, либо нет, – это неотъемлемые свойства рода, расы, связанные с традицией и с силами, гораздо более глубокими, нежели силы отдельно го человека и его абстрактного разума.

Эти неотъемлемые ценности, которые нельзя «обрести», которые не поддаются ни сравнению, ни уничтожению, как раз и способствуют в действительности развитию личности, не только в естественном, но, особенно, в сверхъестественном плане.

Теория среды

Чтобы защитить догму об изначальном равенстве всех людей, несмотря на то, что она опровергается опытом и историей, марксизм и либерализм цепляются за теорию среды. Согласно этой теории, любое различие соотносится с внешним влиянием условий природной, общественной или исторической среды. Любое различие, таким образом, является чисто внешним, случайным и зависящим от обстоятельств и всегда может быть устранено путем изменения внешних условий. Естественным следствием подобных взглядов является гуманизм: если есть низшие существа, то они «жертвы среды», а не низшие от природы.

Против этой концепции расология выдвигает теорию наследственности, в соответствии с которой различия между людьми, хотя порождены частично внешними причинами, но не только случайны, а в них-то и заключается суть: это врожденные и обусловленные наследственностью различия. Внешние условия могут благоприятствовать или препятствовать развитию врожденных задатков, но никакая внешняя сила, ни материальная, ни моральная не может изменить самую интимную сущность человека.

Ценности каждого, его представления о добре и зле – это не результат влияния хорошей или плохой среды, а наследственные свойства данной крови и расы, дошедшие в специфической форме в процессе разветвления расы до отдельного индивидуума.

Расовая идея как антиэволюционизм

Еще один миф, который дорог сердцу научной, буржуазной, демократически-масонской идеологии, – это миф об эволюции. Расовая теория – антитезис этому мифу. Для расовой идеи «человечества» вообще не существует. Не считая историю процессом автоматического развития однородного человечества, расовая идея оспаривает и взгляд на историю, как на развитие цивилизации от низших форм к высшим в соответствии с общественными и экономическими законами. Причем «низшими» считаются цивилизации традиционного, иерархического, сакрального типа, а «высшими» – современные, социальные, «просвещенные» цивилизации.

Расовая идея смотрит на историю, как на результат столкновения, подъема, упадка и смешения сил, принадлежащих к разным расам. Это взгляд на историю, как на динамичный, антагонистический процесс, при котором важные исторические события, разные формы цивилизации, разные общественные структуры и даже феноменология форм правления и государств рассматриваются не как причины, а, скорее, как следствия, знаки и почти символы соответствующих сил расы, представляющие собой этнические и духовные реальности на этапах подъема и упадка.

Расовая теория антиисторична и антиэволюционна. Если она хочет показать общий смысл истории, начиная с древнейших времен, она скорее будет говорить об инволюции, чем об эволюции. Утверждая, что исторические события привели ко все большему смешению и гибридизации, расовая идея естественно рассматривает начальные цивилизации как более «нормальные» и правильные формы цивилизаций, в которых смешение еще не достигало нынешнего уровня и когда законно можно предположить существование достаточно неизменных этнических ядер.

К этому следует добавить желание любой высшей формы расовой теории взять на вооружение новую теорию происхождения человека, отрицающую гипотезу эволю-

ции, согласно которой Землю первоначально населяли дикие, звероподобные люди, происходящие от обезьян. По мнению расологов, таких людей либо не было, либо они принадлежали к низшим расам, ныне вымершим. В действительности, человек происходит от высших рас, которые уже в доисторические времена имели цивилизацию с низким материальным уровнем, но с высоким духовным содержанием. Настолько высоким, что в памяти всех народов сохранились их символические названия: «божественные расы», «богоподобные люди»...

Не только в этом различие в естественных условиях человеческого существования. Различны и этические ценности, которые нужно защищать.

Расовая идея – это желание, которое можно назвать классическим по форме. Универсализм, понимаемый как интернационализм и космополитизм, это не просто мир из множества мнений, это показание барометра, точно свидетельствующее о климате этнического хаоса и неестественных изменений.

Расовая идея – это национализм в его положительных аспектах. Оба они являются здоровой реакцией против демократических и коллективистских мифов. В противовес мифу безликой пролетарской массы без Отечества, расовая идея и национализм означают превосходство качества над количеством, космоса над хаосом, формы над бесформенностью.

С политической точки зрения, пробуждение чувства нации и расы – одно из предварительных условий реорганизации тех сил, которые в результате кризиса современного мира погрузились в трясину механической, коллективистской и интернациональной обезличенности. Сознание долга перед расой – вопрос жизни и смерти для будущего европейской цивилизации.

Расовая идея как антииндивидуализм. Раса и личность

Идея расы противостоит индивидуализму. Она является продолжением фашизма, потому что, подобно фашизму, отказывается рассматривать отдельную личность саму по себе как атом, на котором ничего достойного не построишь. Каждый человек – член сообщества, как в пространстве, так и во времени, неотделимый от рода, крови и традиции, от непрерывной связи прошлого с будущим.

Конечно, если у человека нет правильного понимания принципов, он всегда может уклониться на опасный путь. В этом случае удар по индивидууму имеет целью затронуть то, что называется личностью. Но личность не имеет ничего общего с такой абстрактной фикцией как индивидуум. Личность это органическое целое. Кровь, порода и традиция – ее неотъемлемые, конструктивные элементы, так что личность может самоутвердиться, только опираясь на расовую идею и на наследственные ценности.

§2. Различные значения термина «раса»

Расовое понимание человека не может остановиться на простом биологическом уровне, иначе надо было бы признать правильным определение Троцкого, что «расизм это зоологический материализм».

Недостаточно также сказать, как это делает Вальтер Гросс, что «под концепцией расы мы понимаем полноту человеческой жизни, при которой тело и душа, материя и дух сливаются в высшем единстве», взаимно определяя друг друга. Определяется телесная форма душой или, наоборот, это метафизическая проблема, которая не является предметом изучения для расологии?

Еще менее удовлетворительно следующее утверждение Альфреда Розенберга: «Мы не согласны с тем предрассудком, что дух создал тело, равно как и с тем, что тело создало дух. Между духовным и физическим миром нет четкой границы: оба они составляют неразрывное целое».

Если мы не будем по-прежнему считать расу «мифом», а сделаем ее предметом изучения, то нельзя застрять на этих уровнях.

Концепция расы включает в себя разные значения, не только применительно к человеку и видам животных, но и к разным человеческим типам. Поэтому мы должны ввести первое фундаментальное разграничение: между «природными расами» и расами в высшем, более человеческом, более духовном смысле.

С методологической точки зрения абсурдно рассматривать расологию как самостоятельную дисциплину, а не в тесной зависимости от общего учения о Человеке. Взгляд на человека определяет характер расовой теории. Если это материалистический взгляд, то материализм переносится на саму концепцию расы; если же это спиритуалистический взгляд, то такой же будет и расовая теория. Даже учитывая материальное в человеке и зависящее от законов материи, расовая теория никогда не забывает о месте в иерархии и функциональной зависимости материального начала в человеке, как целом.

Человек сам отличает себя от животных своей причастностью к сверхъестественному, сверхбиологическому уровню и только благодаря этой причастности он может быть свободным, может быть самим собой.

Своего рода промежуточный элемент между человеком и животным – душа. Различение в человеке трех родных начал: тела, души и духа, – фундаментально для традиционных воззрений на Человека. В более или менее полной форме можно встретить это различение во всех древних традициях, оно сохранялось и в средние века. Аристотелевская, схоластическая концепция «Трех душ» – растительной, чувствительной и умственной; Троица «сома», «псюхе» и «нус»; у римлян – «мене», «анима» и «корпус»; индоарийская Троица «стхула», «линга» и «каранаарья» – равнозначные выражения этого различения. Кроме того, важно подчеркнуть, что такой взгляд не следует считать одним из множества сугубо философских толкований, а объективным знанием, соответствующим самой природе вещей.

В виде основного пояснения к этим трем концепциям можно сказать, что «дух» в традиционной концепции всегда означает нечто сверхъестественное и сверхиндивидуальное, он не имеет ничего общего с обычным разумом и еще меньше – с бледным миром «мыслителей» и «ученых». Это элемент, в котором сосредоточены основы любого мужественного, героического восхождения, любого усилия достичь при жизни того, что «больше, чем жизнь».

В классической древности дух как «нус» или «анимус» противопоставлялся душе как мужское начало женскому, как солнечный элемент лунному. Душа принадлежит к миру становления больше, чем к миру бытия, но связана с жизненной силой, со всеми способностями восприятия, со всеми страстями. Своими бессознательными разветвлениями она устанавливает связь между духом и телом.

Человеческая триада «дух-душа-тело» соответствует космической триаде «солнце-луна-земля».

Отсюда видно, что неравенство рода человеческого не только физическое, биологическое или антропологическое, но и психическое и духовное. Люди различны не только телесно, но также душевно и духовно. В соответствии с этим расовая теория должна выражаться на трех уровнях.

Три уровня расовой теории

Функция расовой теории первого уровня – рассматривать человека как тело, как чисто биологическое и природное существо. Далее следует взгляд на человека как на душу и, наконец, изучение человека не только как тела и души, но и духа.

Природные расы и высшие расы

Человек, вместо того, чтобы сделать центром своего имущества дух, как положено, может пасть на один из низших уровней – на уровень души или тела, которые в этом случае будут управлять и сделают высшие элементы своими орудиями. Переноса этот взгляд с отдельных личностей на расы, можно провести вышеупомянутую раз- делительную черту между биологическими и духовными человеческими расами.

Некоторые расы можно сравнить с человеком, который, деградировав, скатился к чисто животному образу жизни: таковы «природные» (биологические) расы. Они не просвещены никаким высшим элементом, никакой силой с более высокого уровня, чем тот, на котором проходит их жизнь во времени и пространстве. Поэтому в них преобладают коллективные элементы, такие как инстинкт, родовой характер, дух единого этноса.

В других расах натуралистический элемент сохраняет свою нормальную функцию носителя и выразителя высшего, сверхбиологического элемента, который так же относится к первому, как дух к телу в отдельном человеке.

В этих расах за расой тела, крови и души находится раса духа.

Эта истина ощущалась, когда в древности приписывали «божественное», или «небесное» происхождение той или иной расе, роду или касте и сверхъестественные, героические черты вождям или первым законодателям.

§3. Расы души и духа. Расовая теория второго уровня – расы души

Расовой теорией второго уровня называется теория рас души и типология расовых душ. Эта теория выявляет первичные, несводимые элементы, которые действуют изнутри, так что группы лиц ведут определенный образ жизни и отличаются определенным стилем действий, мыслей и чувств.

Здесь мы приходим к новой концепции расовой чистоты определенного типа. Речь идет не только о том, обладает ли данная личность определенными физическими характеристиками, как в расовой теории первого уровня (основанной на чисто биологических соображениях). Возникает необходимость установить соответствие между «телом» и «душой» расы. Если такое соответствие налицо, мы имеем дело с чистым с точки зрения исследований второго уровня типом.

Мы можем считать «теорию расовых душ» или психоантропологию Людвиг Клаусса расовой теорией второго уровня. Он подчеркивал необходимость такого рода исследований на убедительных примерах. Возьмем, например, феномен понимания. Зафиксировано много случаев с людьми одной телесной расы, одного рода, иногда даже, как в случаях с братьями или отцами и детьми одной крови, которые не понимают друг друга. Их души разделяет граница. У них разный строй чувств, разный взгляд на вещи. С этими различиями ничего не может поделаться общность телесной расы и крови.

Возможность понимания, подлинная солидарность могут существовать только при общности «расовой души».

Раса души и культура. Место еврейского вопроса

Свойства характера отражают определенный стиль, который различается в зависимости от расовой души. Кроме того, на втором уровне исследований легко можно разработать более общую концепцию, согласно которой нельзя быть исследователем, воином, аскетом, торговцем, художником вообще, но есть различные способы выполнения этих функций, обусловленные внутренней расой. Таким образом, выявляются различные законы стиля, формы, которые действительно подходят для выражения определенных значений или способностей к определенной деятельности, фундаментальных с внутренней стороны для определенной расовой души.

Например, еврейский вопрос, в том виде, в каком он ставился в Италии, явно вдохновлялся рассуждениями, характерными скорее для расовой теории второго, нежели первого уровня. Евреев в Италии преследовали не столько исходя из расовых, биологических соображений, сколько «по делам их»: не из-за физических черт евреев, абсолютно противоположных чертам средиземноморской расы, но из-за их «стиля», их поведения; разрушительных действий в общественной и культурной сфере, совершаемых евреями, за редкими исключениями, бессознательно. Так огню свойственно жечь, а гадюке – жалить и отравлять.

Этот стиль, этот иудаизм, как свойство души расы, распознается любым человеком иной расы, если он не совсем деградировал под влиянием «ценностей» современной, нейтральной, интернациональной цивилизации.

Тех, кто проявляет еврейскую ментальность и черты их душевной расы, называют «почетными евреями», даже если с их телесной расой «все в порядке».

В «Талмуде» есть рассказ об одном человеке, который пришел к раввину и сказал: «Давайте объединимся, давайте все станем одним народом». Раввин ответил: «Хорошо, но мы, евреи, обрезаны, так что есть лишь один способ достичь этого: вам тоже нужно сделать обрезание».

Врис де Хеекелинген, напоминая нам этот анекдот, справедливо указывает, что в современном мире происходит ассимиляция в противоположном направлении. Речь уже идет не о физическом, а о духовном обрезании. Евреи могут прогрессировать внутри нееврейской цивилизации, потому что неевреи часто усваивают ментальность и образ жизни, первоначально свойственные евреям.

Это показывает пользу расовой теории второго уровня. Он позволяет антииудаизму быть цельным, вести борьбу против еврейской ментальности, даже если она проявляется без прямого влияния еврейской крови людьми, которые иудаизировались в душе и ведут еврейский образ жизни, хотя и принадлежат к расам индоевропейского корня.

Расовая теория третьего уровня

Предметом расовых исследований третьего уровня являются, как мы уже знаем, расы духа. Эти исследования доходят до самых глубинных корней расы, когда речь идет о нормальных цивилизациях и высших человеческих породах, корней, связанных со сверхличными, сверхэтническими, метафизическими силами.

Для таких исследований особый способ восприятия священного и сверхъестественного, равно как и обращение человека к самому себе, взгляд на жизнь в ее высшем смысле, весь мир символов и мифов – все это является предметом изучения так же, как черты лица и структура черепа являются предметом изучения для расовой теории первого уровня.

Для расовой теории третьего уровня самое большое значение имеют признаки вертикальной, сверхисторической наследственности.

В качестве первого шага необходимо, как мы уже сказали, избавиться от мифа об эволюции во всех его формах. Если продолжать верить, что, чем дальше мы уходим в прошлое, тем больше погружаемся в ужас зверского варварства, то будет безумной надежда найти в доисторических исследованиях точки опоры, имеющие значение для наших дней.

Если исходить из принципов эволюционизма, исследование начальных эпох с упором на наследственность неизбежно приведет к искажениям вроде тех, что содержатся в некоторых психоаналитических толкованиях, как, например, в книге «Тотем и табу» Фрейда.

Наша официальная культура, которая называет себя «серьезной» и «критической» и, к сожалению, господствует в наших школах, настаивает на том, что миф это либо произвольное творение «дофилософского» сознания, либо реликт низшего порядка, либо суеверное толкование простых природных явлений, либо, наконец, часть фольклора. Я не говорю здесь об «открытиях» психоанализа и т. н. «социологической школы», типичных продуктов иудаизма.

Мы должны вернуться к тому же пониманию мифов и символов, что и у древних людей, людей традиций, т. е. видеть в них выражение сверхрациональной реальности, печать тех метафизических сил, которые действуют в глубинах рас, традиций, религий, исторических и доисторических цивилизаций.

Расы духа

Мы считаем нордическую, «солнечную» расу высшей и предшествующей всем другим. «Солнечная» или «олимпийская» раса, которая соответствует гиперборейской традиции и крови, имела черты «естественной сверхъестественности». Основными особенностями этой духовной расы были мощь, спокойная властность и способность к быстрым реакциям, т. е. чувство центральности и непоколебимости. Эти достоинства древние называли «нуминоза» (от «нумен») – это своего рода превосходство, которое навязывает себя прямо и несокрушимо, вызывая ужас и почтение. Благодаря этим чертам «солнечная» раса была от природы предназначена для власти.

Лед и огонь слились в этой расе как символы нордического происхождения: лед – символ трансцендентного и недоступного, огонь – символ лучей солнца, дающих свет и жизнь, всегда в контексте властной дистанции.

Символические обозначения «божественной» или «небесной» расы следует понимать так, что они прилагались к людям, которые сами не верили, что они боги, но чувствовали, что принадлежат к земной расе лишь волей случая, или по «незнанию», или «во сне». Два термина: «видья» и «авидья» древней индоарийской религии означали соответственно «знание» (высшей тождественности) и «неведение» – именно в этом смысле их и следует понимать.

Другая раса духа, к которой принадлежат наши современники, предполагает разделение двух элементов духовности и мужественности, которые были едиными у «солнечной» расы.

Мы начнем с «лунной» расы или «расы Деметры». В то время как солнечный элемент содержит в себе собственный свет и собственное начало, лунный элемент получает свой свет и свое начало от других.

Поэтому в «лунной» расе чувство духовной центральности было потеряно либо вследствие вырождения, либо вследствие пассивного скрещивания с другими расами, утратившими свои солнечные качества.

В широком смысле лунный человек – это священник в противоположность царю; это человек, который ведет себя перед лицом духа как нормальная женщина перед лицом мужчины, т. е. подчиняется и отдается.

Другой лунный тип – это интеллеktуал, человек пассивного отражения. В сфере политики, если происходит раскол между светской и духовной властью, неизбежно возникает лунный дух: лунный человек это властитель, который получает высшее освящение своей власти от касты священников.

Третья раса духа, которую можно выявить на основе древних символических традиций, это «теллурическая» или «титаническая» раса. Ее образ жизни свидетельствует об инстинктивной, иррациональной привязанности к жизни.

«Теллурическая» раса (от латинского «теллус» – «земля») отличается взрывчатой импульсивностью, внезапными сменами настроения, абсолютной самоидентификацией. Это энергичная, мрачная раса, не обладающая, однако, глубиной и отрешенностью, необходимыми для достижения трагизма. Секс играет важную роль в ее жизни: чувство личности у теллурического человека мало развито, преобладает коллективный элемент; в этом плане и проявляются кровные связи, притом всегда в материальной, атавистической, фаталистической форме; эти черты можно распознать в ряде типичных аспектов чувства расы, свойственного еврейскому народу.

Термин «теллурический» использовался Кейзерлингом для указания на один из несомненных аспектов современной т. н. «мировой революции».

«Дионисийский» человек имеет ряд общих черт с «титаническим». Он надеется снова завоевать утраченный уровень, он способен частично подняться над обычными условиями человеческой жизни посредством радикального взрыва всех сил, связанных с чувствами, но этот взрыв не выходит за рамки простого экстаза, где чувственное смешано со сверхчувственным, где освобождение достигается только за счет предательства принципа утверждения личности.

Не будет произволом установление взаимосвязи между дионисийским и романтическим человеком.

Исходя из расовой точки зрения, мы не будем удивлены, когда обнаружим, что дионисийский тип под романтическим покровом широко представлен среди нордических рас – германцев и англосаксов.

Мы еще раз подчеркиваем, что необходимо отличать первичную нордическую арийскую расу от современных нордических рас. Для последних характерна та роль, которую играл женский элемент в начале исторических времен (и сегодня еще немецкий – единственный из индоевропейских языков, в котором «солнце» женского рода, а «луна» – мужского).

«Раса Деметры» или «лунная» раса перед лицом узурпации власти «титаническими» или «теллурическими» расами не обладает больше высшим авторитетом, присущим солнечной расе, а ради самоутверждения перетягивает на свою сторону насильственные и материализованные формы своего врага, создавая новый тип амазонского человека.

Этот тип, подобно женщине, обладает лунной духовностью, но в борьбе против злоупотреблений мужчин с титанической духовностью самоутверждается, ведя мужской образ жизни, отходя таким образом от своей первоначальной природы. Амазонский человек по сути своей остается лунным, но самоутверждается, изображая как материальную, так и духовную силу.

Еще одна раса духа – «раса Афродиты». В ней «теллуризм» обретает формы чрезвычайной утонченности материальной жизни, окружает себя внешней роскошью и часто способствует развитию искусств и эстетических чувств. Но внутри него сохраняется пассивность и неустойчивость лунного типа, компенсируемая особым вниманием ко всему, что относится к женщинам, которые в свою очередь достигают преобладания и обеспечивают себе господствующие позиции.

«Раса Афродиты», с одной стороны, и «теллурическая» раса, с другой, представляют собой крайние формы, находящиеся внутри нордического, арийского цикла. За этими пределами мы вступаем в область природных рас.

Наконец, есть еще «раса героев». Термин «герой» понимается здесь не в обычном смысле слова, а в соответствии с мифической традицией, описанной Гесиодом, согласно которой в ходе циклов, уже пережитых человечеством, Зевс (т. е. олимпийское начало) создал расу, способную снова обрести благодаря своим действиям первичное «золотое» или «солнечное» состояние первого поколения гиперборейского цикла. Если отвлечься от мифа, речь в данном случае идет о типе, в котором «олимпийские», «солнечные» качества перестают быть природными, а становятся долгом, который нужно выполнять путем внутреннего преобразования, часто достигаемого в результате «второго рождения» или «посвящения», что только и позволяет выявить, в настоящем то, что скрыто, и вновь обрести утраченное.

Раса духа в иудаизме

К арийским цивилизациям можно отнести цивилизации древней Греции, древнего Рима, Индии, Ирана, народов северо-фракийской и дунайской группы. Они возникли в героический период, когда арийской расе удалось достичь частичного возврата к своей первоначальной чистоте.

Можно сказать, что семитский и, особенно, еврейский элемент представляет собой полнейшую противоположность арийским цивилизациям, потому что в еврейском элементе сконцентрированы расовые и духовные отходы, образовавшиеся вследствие столкновения различных сил в древнем средиземноморском мире.

С точки зрения духовной расы, в то время как потребность еврея в «избавлении» от плоти, равно как и мистически-пророческие аспекты иудаизма вроде бы позволяют отнести евреев к «дионисийской» расе, грубый материализм иных аспектов этого народа и упор на чисто коллективистские связи скорее сближают евреев с «теллурической» расой, их чувственность – с «расой Афродиты», наконец, строго дуалистический характер их религиозности заставляет вспомнить и о «лунной» расе.

С духовной точки зрения можно воспринимать Израиль как сложную по составу реальность. «Закон» Израиля пытается насильственно связать разнородные элементы и придать им определенную форму. В этом деле он преуспел, потому что Израиль сохранился на уровне священнического типа цивилизации. Но когда Израиль начал материализоваться, когда евреи оставили свои традиции и «осовременились», ферменты разложения и хаоса, загнанные внутрь, вырвались наружу и начали оказывать разрушающее воздействие на весь мир, став важнейшим орудием мирового заговора.

Отказавшись от своего «Закона», который заменял для них понятия Отечества и расы, евреи превратились в антирасу. Это опасные этнические парии, их интернационализм – простое отражение бесформенной природы сырья, из которого этот народ был первоначально сделан.

С учетом изложенного легко понять средний тип еврея, который, с одной стороны, соблюдает для себя и своего семейства остаточный традиционализм, а на практике проявляет часто непримиримый расизм; с другой же стороны, другие свои тенденции он направляет на неевреев и ведет, таким образом, разрушительную деятельность, предписанную, как мы знаем, самим еврейским Законом, когда еврей имеет дело с неевреем, с «гоем».

УКАЗАНИЯ ПО РАСОВОМУ ВОСПИТАНИЮ

1. ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО «РАСА»?

Что такое раса? Приведем некоторые, наиболее распространенные определения. «Раса – это живое единство индивидов общего происхождения, обладающих идентичными физическими и духовными признаками» (Вольтман). «Это группа людей, которая по свойственному ей сочетанию физических признаков и душевных качеств отличается от любой другой и всегда воспроизводит только себе подобных» (Гюнтер). «Это наследственный тип» (Топруар). «Это наследственный тип, определяемый идентичными группами генотипов (то есть наследственной потенциальностью), но не внешней морфологической схожестью людей» (Фишер, Ленц). «Это группа, определяемая не по факту обладания теми или иными духовными или физическими признаками, а по манере поведения, выражающейся через них» (Клаус).

Мы привели эти определения не наугад. В их расположении можно проследить определенное развитие, которое соответствует генезису в последние годы самой расовой теории. С другой стороны, раса стала определяться через призму антропологической концепции. Эта концепция уже больше не имеет старого этимологического смысла «науки о человеке» вообще. Она стала особой естественной наукой, рассматривающей человека просто с точки зрения признаков, характеризующих человека как всего лишь биологический вид – один среди многих других.

Таким образом, сначала имелась лишь чисто натуралистическая и описательная концепция расы, наподобие того, как описывались различные виды животных и растений. Таким же образом по проявлению определенных повторяющихся признаков, которые в основном были физическими и семантическими, классифицировались по различным категориям и люди. Итак, определяющими в понятии раса считались очевидные общие признаки, отмеченные у большинства индивидов, то есть критерии чисто статические и количественные.

В начале развития современной антропологии научные исследования основывались на самых заметных внешних признаках: цвет кожи, волос и глаз, рост, черты лица, пропорции, форма черепа. Одним из первых шагов было проведение измерений – определялись цифровые значения пропорций тела, измерялись индексы черепа, проводились вспомогательные замеры. Прилагались усилия, чтобы преобразовать технику описания в «позитивные идеи психологии», шел поиск параметров, которые в силу своей повторяемости соответствовали – или должны были соответствовать – различным группам людей.

Уже на раннем этапе своего развития антропология принимала во внимание элемент наследственности. После того, как выявлены различия, существующие между живыми людьми, естественно предположить существование постоянных факторов этих различий, как у родителей, так и у потомства. Однако особую важность элемент

наследственности приобрел в антропологии в более поздние годы в связи с феноменом собственно расизма. **[Прим. ред. ВС: Здесь и далее переводчик употребляет вместо термина «расовое учение» или «расология» слово «расизм», а вместо «расолог» – «расист»!]** Именно с последним связаны приведенные выше определения. Для современного расизма теория наследственности является фундаментальной. Утверждается, в противоположность концепциям старой антропологии, что раса должна определяться не всеми признаками или параметрами, характеризующими данную группу людей, а только теми, которые могут передаваться по наследству.

Но это не все. После того, как установлено определенное количество внешних модификаций (их также называют паравадациями), которые могут по каким-либо причинам появиться в данном типе, но не передаются по наследству, формулируется фундаментальное различие между генотипом и фенотипом. Генотип – это, так сказать, потенциальность: это сила, которая порождает определенный тип, или матрицу типов, которые могут варьироваться лишь в определенных, четко обозначенных пределах. Внешняя форма (внешняя в широком смысле, поскольку теория наследственности применительно к человеку учитывает не только морфологические характеристики, но также и склад психики), которую порождает в каждом конкретном случае данный генотип, на самом деле может варьироваться и, очевидно, может отходить от первоначального типа до неузнаваемости. Эта внешняя форма называется фенотипом. Можно констатировать, что у естественных видов модификации, относящиеся к фенотипам и связанные с влиянием (либо субъективным, либо обусловленным средой) внешних факторов, не затрагивают главного. Потенциальность генотипа можно сравнить с эластичной материей: кажется, что она потеряла – до определенной степени – свою собственную форму, однако она опять принимает ее, когда в процессе развития последующих поколений перестают действовать факторы, породившие изменения. Типичный пример можно привести из растительного мира: при нормальной температуре растение «китайская весна» дает белые цветки. Однако по прошествии некоторого времени из посаженного при нормальной температуре и в обычной среде семени вырастает растение с красными цветками, как у его отдаленных предков. Так что вариации фенотипа не имеют существенного значения, они являются преходящими и иллюзорными; потенциальность сохраняется в целостности в соответствии с первоначальным типом.

Наследственные признаки (и в соответствии с новейшими концепциями, «признаки расы») – это не внешние формы сами по себе, а потенциальности, постоянные типы реакции на различные обстоятельства, реакции, может быть, и разнообразной, но всегда обусловленной определенными законами.

Это основополагающий принцип современной расовой концепций. Вышеприведенное определение Клауса, основоположника того, что получило название психоантропологии, идет еще дальше и констатирует определенное «одухотворение» генотипа. Сущность расы надо искать в манере поведения, в том, как проявляется ее самобытность. Здесь раса становится в некотором роде постоянным наследственным типом, который выражается не только посредством ряда физических признаков (то есть посредством расы телесной), но также и в манере проявления определенного психического склада или способностей; так что, как будет показано ниже, исходя из этой наследуемой манеры поведения, определяется некая группа людей, группа, которая по отношению к другим различным манерам поведения соответствует понятию «раса».

2. ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ РАСЫ

В результате даже беглого просмотра наиболее свежих работ по данной теме можно констатировать определенное развитие расовой концепции; мы, однако, не смогли освободить ее от атмосферы абстрактных определений. Мы должны более четко определить, в чем заключаются сегодня смысл и практическое значение понятия расы для отдельного индивида и что надо понимать под понятием «расовое сознание». Мы стоим перед фундаментальным положением, в отношении которого можем сослаться на каждодневный опыт.

Выражение «породистый человек» (дословно «человек расы») появилось не сегодня и не вчера. В общем, оно относится к аристократической идее: из большинства простых недалеких индивидов выделялись люди породистые, то есть существа высшие, «знатные». Такая знать (этот пункт хотелось бы подчеркнуть) не обязательно соответствует «геральдическому» значению слова, так как проявление породы (расы) могло иметь место, как у представителей настоящей аристократии, так и у крестьянина, у человека из народа, который вел здоровый образ жизни. Не случайно среди знати определенные положительные традиции смогли на долгое время защитить чистоту крови; так же и в деревне, вдали от городов, определенные благоприятные условия, здоровые занятия и обычаи смогли дать сравнимые результаты в среде людей другого класса, отличных от аристократии.

С другой стороны, слово «раса», как и слово «кровь», имело в прошлом четкое и живое значение, существенно отличающееся от того, которое оно приобрело сегодня и которое имеет в основном научный и биологический характер. Например, говорят: «Хорошая кровь не способна соврать». Существует выражение «кровный инстинкт». Есть «кровавые ругательства», ситуации, когда «кровь бьет в голову». Что означает все это? В глубинах человеческого существа, далеко от абстрактных концепций расы, от премудрых рассуждений и условностей, порожденных жизнью в обществе, существуют инстинкты, обладающие определенной формой. Эта форма связана с возможностью непосредственных и абсолютных реакций, которые для человека «расы» являются нормальными, в то время как у простолюдина все это проявляется лишь в эпизодической форме – в крайних случаях и исключительных ситуациях.

Идет ли здесь речь об импульсах, относящихся исключительно к жизни животных и к психологии? Не беремся утверждать это. Силы, на которые мы ссылаемся, инстинктивные реакции человека «расы», отнюдь не являясь продолжением животных инстинктов, опровергают это. Они часто накладывают на простую жизнь высшие нормы, предписывая ей соответствие определенному «наследственному типу», «манере поведения». Здесь и умение владеть собой, и внутренняя напряженность, и самоутверждение, которые становятся у этого человека естественными и спонтанными. Реакции расы не имеют ничего общего с животными инстинктами, они не основываются на рациональном мышлении или на интеллектуальных факторах, а скорее наоборот – демонстрируют в своей спонтанности всю личность человека. Впрочем, они имеют место и в сфере интеллекта, поскольку проявляются в соответствии со специфическими и непосредственными формами восприимчивости, здравомыслия и приверженности определенным ценностям. Посредством расы, через кровь человек приходит к поступкам, которые на его уровне являются такими же непосредственными, как реакции, совершаемые в результате восприятия действительности здоровыми, нормальными органами чувств.

Характерной чертой человека расы является определенное число очевидных, естественных и предсказуемых реакций. В то же время «современный» (интеллектуализированный и деградировавший) человек аналогичных условиях может лишь продвигаться на ощупь. Он пытается подменить потерянную способность видеть и осязать пустым красноречием и интеллектуальным инструментарием, что редко дает

ощутимые результаты и лишь позволяет ему переходить, самому того не замечая, от одного кризиса к другому или принимать простые конформистские решения.

Такова основа, на которой должно понимать и применять концепцию расы. Раса живет в крови и даже на более глубоком уровне, там, где индивидуальная жизнь сообщается с надличностными путями, которые, однако, должны восприниматься не в натуралистическом смысле (как, например, «жизнь вида»), а как среда, в которой действуют действительно духовные силы.

В старину хорошо знали все это. Свидетельство тому – культы очага, пенатов, героев, домовых – существ, которые символизировали тайну крови и мистические силы расы.

Надо способствовать пробуждению еще отсутствующего у многих чувства расы. Необходимо, чтобы появилась внутренняя реакция, а для этого гораздо эффективнее «миф» (как, например, идея-сила, воодушевляющая идея), чем любые научные соображения. Впрочем и сама наука, посредством своих результатов, постоянно дает подтверждение большому значению расы, а также теориям наследственности, демографии или патологии.

Миф расы придает существованию полноту, превосходство и правильность. Есть существа презренные, и есть «существа расы». Независимо оттого, из какого социального класса они происходят, они составляют аристократию, в среде которой живет некая таинственная наследственность, пришедшая из глубины веков.

Именно по этой причине даже на уровне самых общих определений расизм имеет ценность катализатора. Реакции индивидов на расовые идеи представляют собой своего рода барометр, который показывает «количество» расы, присутствующее в них. Сказать «Да» или «Нет» расизму – это не просто интеллектуальная альтернатива, это не субъективный и произвольный выбор. «Да» расизму говорит тот, в ком еще жива раса. Напротив, противостоит расизму тот, кто ищет алиби во всех случаях жизни. Тот, кто признает, что он внутренне побежден антирасой, растеряв на протяжении многих поколений всякую связь с тем, что является действительно изначальным. Тот, в ком изначальные силы были подавлены либо под весом этнического разобщения – наследия смешения и процессов дегенерации, либо под влиянием буржуазного образа жизни, ведущего к изнеженности и интеллектуализированности.

Это надо заявить совершенно ясно, почти как предпосылку для верного понимания расовых идей.

3. СЛЕДСТВИЯ ЧУВСТВА РАСЫ

Граф Гобино, которого в определенном смысле можно считать отцом современного расизма, никогда не скрывал глубинных причин своего выбора. Написание знаменитого «Опыта о неравенстве человеческих рас» в 1853 году его подвигла реакция всего его существа против «демократической и эгалитарной трясины», в которую все больше погружались европейские нации.

Так вот, именно этот пафос и должен сопровождать всякую последовательную расовую позицию и, следовательно, проявляться вполне определенным образом в общественно-политической сфере. Разумеется, такие выводы могут привести только к основным идеям фашизма, которые в результате укрепятся и обретут новую силу.

Объявить себя расистом надлежит означает подняться против демократического мифа, согласно которому высшей ценностью является «человечество» (при этом провозглашается природное равенство всех отдельных личностей). Этого «человечества», о

котором говорят как о священной корове, как об одном из бессмертных принципов Евангелия, не существует или в наших глазах оно мало что значит.

Должно быть совершенно ясно, что в наши намерения не входит отрицать существование определенного ряда факторов, которые являются общими для большинства людей. Но мы ставим также и вопрос о наличии другой стороны – существовании отличий, очевидных, неоспоримых и не менее реальных. Так вот, если устанавливать шкалу ценностей между теми и другими, надо сделать четкий выбор, так сказать, снова активизировать внутренние устремления. Расизм – и в этом мы убеждены – определяется в соответствии с классическим духом, характерной чертой которого было превознесение всего, что имеет форму, лицо, отличие, в противоположность всему бесформенному, универсальному, недифференцированному. Классический идеал (и, добавим, также и «арийский») – это космос, то есть совокупность природы и четко индивидуализированных субстанций, соединенных в единое целое органичным и иерархическим образом. Он не имеет ничего общего с хаотическими романтическими или пантеистическими идеалами. Отсутствие дифференциации всегда ниже того, что имеет форму.

Согласно такой концепции мифическое «человечество» из демократической басни представляется, с нашей точки зрения, просто общим знаменателем, коллективным субстратом. Этот субстрат может представлять для нас интерес только с точки зрения живых, конкретных и четко определенных форм, в которых он существует. Так вот эти формы и есть расы, то есть общности людей как по крови и инстинкту, так и по духу. Расист, таким образом, признает отличия у других и хочет, чтобы так же признавалось его отличие от других: быть отличным, быть самим собой – это не зло, а добро.

Но в какой же момент действительно появляется это так называемое «человечество»? Тогда, когда четко определенный мир вырождается в коллективистский, недифференцированный хаос, что является ужасной последней стадией процесса всеобщего уравнивания, социального и духовного распада. Существующие физические различия начинают считать случайными, неважными, несущественными и ничтожными. Вот что скрывается за эгалитарным мифом и за либерально-демократической идеологией.

В противоположность этому, в расовом видении жизни любые отличия (включая физические) являются символическими: внутреннее проявляется во внешнем, внешнее – является символом, знаком или симптомом чего-то внутреннего. Таковы основополагающие принципы современного расизма. С римской и фашистской точки зрения особенно важно подчеркнуть классическое предназначение расизма, которое мы уже упоминали: твердость воли, отрицание всего, что является недифференцированным, возвращение к истокам нашей старинной мудрости: «Познай себя и будь самим собой». Верность своей собственной природе, то есть своей крови и своей расе – таков внутренний этический и духовный эквивалент тех идей, которые предоставляют теории научного расизма генетика, биология и учение о наследственности. И таковы четкие директивы для расового воспитания, которые следуют из этого.

4. РАСОВАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

Практическое значение расовой концепции имеет двойственный характер.

Во-первых, оно состоит в необходимости преодоления либеральной, индивидуалистической и рационалистической концепций, согласно которым индивид – это подобию атома, субъект в себе, который живет и имеет смысл только для себя самого. Расизм же представляет себе индивида в качестве функции данного общества, оценивая этого индивида как в пространстве (то есть как расу живых индивидов), так и

во времени (то есть как группу людей одной родословной, одной традиции или одной крови).

Что касается первого аспекта (то есть ценности индивида в органической функции единого целого в пространстве), можно констатировать определенную конвергенцию расизма. Что же касается второго аспекта (а именно, единства во времени), расовое сознание придает термину «традиция» более живое, более стимулирующее и более внутреннее значение, чем то, которое придают ему обычно. В самом деле, очень часто этому слову дается чисто «историческое», культурное и «гуманистическое» значение (если это не самая обыкновенная риторика).

Когда под словом «традиция» понимается сумма творений, приобретений и верований, унаследованных от наших предков, мы еще далеки от того, чтобы выявить главное, глубинный субстрат всякой традиции, достойной так называться. Этот субстрат – кровь, раса, чувство единства не столько на основе верований наших предков, сколько на основе самих сил, из которых родились вышеуказанные явления (силы, которые несмотря ни на что сохраняются в нашей крови, в самых таинственных и священных глубинах нашего существа). Таким образом, расизм дает жизнь традиции и делает осязаемым ее характер, он приучает видеть в нашей истории не цепь более или менее знаменитых «мертвецов», а выражение чего-то такого, что еще живо в нас и с чем мы внутренне едины. Мы являемся носителями наследия, которое нам передали и которое должны передать и мы – и в этих условиях есть нечто, что побеждает время, что заставляет предощущать то, что мы назвали «внешней расой».

Второе значение расовой концепции заключается в полном отрицании теорий Ламарка, а также и марксистских теорий, касающихся влияния окружающей среды. Утверждение, что среда определяет человека и расы, фальшиво. Природная, историческая, общественная или культурная среда может лишь влиять на генотип, то есть на манеру, в которой проявляются в индивидуе или в данной группе, внешне и случайно, определенные наследственные расовые тенденции, которые всегда будут первым, исходным, основным и неустранимым элементом. Быть расистом, таким образом, означает ясно сознавать тот факт, что именно силы, коренящиеся в самой глубине нашей (а не механические и бесстрастные влияния окружающей среды), являются действительно определяющими в нашем существовании, нашем характере и наших призваниях.

Эта точка зрения, между прочим, приводит нас к новым историческим перспективам: отвергая теорию окружающей среды, мы отвергаем таким же образом идею о том, что великие цивилизации прошлого определялись географическим положением, действием природных условий и даже историческими условиями в узком значении этого слова, а также экономикой. Напротив, форму различным цивилизациям дала их решающая внутренняя сила (обусловленная определенной расой, как физической, так и духовной). Эта раса – внешняя и внутренняя – является причиной того, что в совокупности данного народа определенная группа индивидов обладает неким предназначением. Также в результате этого в некоей среде и в определенную эпоху зародилась цивилизация воинов, а не торговцев, аскетов, а не гуманистов, и т.д. Эти фатальные и пугающие силы расы, которые живут внутри нас, придают форму самой нашей природе, связаны с тайной происхождения и еще раз показывают, что именно они являются решающими. Каковы отношения между индивидом (и человеческой личностью) и этими силами? Некоторые считают, что, признавая расизм, можно впасть в новую форму детерминизма, на этот раз внутреннюю: «раса – это все, а личность как таковая – ничто». По этой причине иногда возникает подозрение в неясном, смутном коллективизме, возвращении к клановому духу, к промискуитету дикой орды. Но реальность состоит совсем в другом – можно с основанием сказать, что если индивид не существует вне расы, то в определенном смысле и раса не существует вне индивида или, точнее, вне личности. Если вложить в эту формулировку ее

полный смысл, следует вспомнить аристократическое содержание таких выражений как «породистый человек», или «обладать породой». Раса на самом деле существует только в тех своих представителях, которые действительно являются «породистыми», «людьми расы». Другими словами, раса – это наследственность, но в то же время и коллективный субстрат, поскольку она имеет тенденцию выражаться во всех индивидах и каким-то образом достигает в некоторых полной и совершенной реализации. И как раз здесь утверждается действие и значение индивида, личности. У действительно высших людей раса проявляется на уровне ценностей настоящей личности.

Расовую наследственность можно сравнить с достоянием, полученным от предков и передаваемым потомкам. Нет никакого детерминизма, поскольку потомки имеют полную свободу распорядиться этим достоянием по своему усмотрению. Может обладать тенденция к его сохранению и приумножению, что приведет к расцвету. Или наоборот – может возобладать тенденция к размыванию и снижению расовых характеристик. Из того, что предок – как духовный, так и биологический – передал ему, индивид может, если будет оставаться верным своей расе, извлечь силы, необходимые для достижения личного совершенства и для воплощения цельного идеала своей расы. Либо в результате смешения крови и рождения метисов может загрязнить эту наследственность, разрушить ее, поставить на службу детерминизму, так что, в конце концов, расовая наследственность будет задушена различными парализующими или растворяющими влияниями.

По этой причине, если расовое сознание признает значение и роль личности в расе, оно стремится, с другой стороны, пробудить в индивиде четкое понимание своих обязанностей по применению своей свободы в отношении расового достояния, как биологического, так и духовного, которое передала ему длинная цепочка поколений.

5. РАСА И НАЦИЯ

Никакой расист, даже наиболее экстремальный, не будет отрицать, что такие выражения как «белая раса», «германская раса», «англосаксонская раса» и даже «еврейская раса», с научной точки зрения некорректны. Когда мы здесь говорим о народах и нациях, мы отдаем себе полный отчет в том, что в нашу эпоху никакой народ или нация не могут претендовать на звание единой, чистой и однородной расы.

Антропология вчерашнего дня довольствовалась тем, что говорила о расе белой, черной, красной, желтой и т.д. Сегодня, когда говорят о расе, имеют в виду не эти крупные общие категории, а наиболее индивидуализированные и самобытные этнические единицы, отчасти сравнимые с элементарными частицами (или элементами), которые являются фундаментальными понятиями химии при изучении соединений. Нации и народы являются, таким образом, соединениями (более или менее стабильными и однородными) таких элементов. У Деникера, например, слово «раса» относится к определенному набору характеристик, которые первоначально наблюдались у совокупности индивидов. Сегодня эти характеристики разбросаны в различных пропорциях среди современных народов и наций – групп, которые отличаются друг от друга в основном языком, образом жизни, привычками и т.д.

Каковы же в таком случае отношения между национальной и расовой идеей? Что должно превалировать – нация или раса? Хотя это и нелегкий вопрос, его стоит поднимать, поскольку если наша позиция будет страдать отсутствием ясности, будет невозможно проникнуть в смысл и основу всех практических аспектов расизма и, особенно, селективного расизма.

Как народы, так и нации представляют собой синтез. Можно согласиться с мнением, что элементы, которые являются составными частями такого синтеза, не будут ис-

ключительно расовыми. При этом мы не разделяем представления о расе, как об исключительно этнической и антропологической единице. Для нас раса – это сущность, которая проявляется не только физически, но и духовно. Различные формы культуры, искусства, религии и т.д. – это проявления души и духа расы. В этой связи элементы, которые не являются ни этническими, ни антропологическими и которые позволяют дать определение понятию нации, также могут стать объектами расовых исследований.

Теперь нужно сказать несколько слов о последствиях кровосмешения. Во-первых, когда смешиваются разнородные расы, результатом является не только денатурализация потомков, собственных характерных черт и соответствующих чистых типов. Наблюдается по существу гораздо более серьезная по своим последствиям гибридизация: появление потомства, у которого физический расовый тип не соответствует ни душе, ни духу расы, тогда как они обычно должны совпадать (первоначально они были едины). Наблюдается их несходство и, как следствие, внутренний разрыв.

Во-вторых, необходимо рассмотреть сущность концепции, которая является частью теории Менделя о наследовании «доминантных» и «рецессивных» характеристик. Можно считать, что при скрещивании у потомства на протяжении одного или нескольких поколений преобладающими становятся только характеристики одного из родителей. Может даже показаться, что не было никакого смешения кровей, никакого ухода в вырождение или гибридизацию. Но это только видимость. Наследственный потенциал передается и действует в среде потомков, но в латентной форме. Это, так сказать, «хитрости» природы, так как в течение определенного цикла доминирующим будет только влияние наследственного потенциала одного из родителей. Но характеристики второго родителя появятся вновь в следующем поколении (поколениях). Они проявятся совершенно определенно. Именно эти латентные характеристики определяют «рецессивное» качество в противоположность «доминантному».

Если в строго биологической среде, среде естественных видов (растительных или животных) «рецессивная» и «доминантная» функции чередуются и подчинены объективным и беспристрастным законам, то в приложении к человеческим расам необходимо вновь отметить действие духовного фактора. Какое-то качество будет «доминантным» и за пределами скрещивания, которое остается закрытым до определенных пределов, поскольку сохраняется некоторое напряжение, некоторое присутствие, так сказать, «себя самого», присутствие расы. Когда это напряжение спадает, «доминантное» качество перестает быть таковым, и начинают проявляться чужеродные влияния (которые до этого момента были вынуждены оставаться рецессивными, то есть присутствовали только в латентной форме).

Установив эти элементарные понятия расовой доктрины, можно начать рассмотрение проблемы отношений между расой и нацией, а также между расой и народом. Мы уже сказали, что как нации, так и народы сегодня являются смешанными этническими сообществами, нынешняя форма которых является результатом самых разнообразных превратностей судьбы. Они впитали в себя не только различные «физические расы», но также и различные «духовные расы», которые представляют собой глубоко запряженный субстрат элементов цивилизаций и разнообразных культурных влияний. Точка зрения относительно наций, которая преобладала в эпоху демократии, имела исторический и агностический характер. Проблема происхождения и формирования наций не рассматривалась, существование той или иной общности принималось как «свершившийся факт». Прилагались усилия, чтобы поддерживать определенное равновесие между различными силами, которые действуют в этой общности (зачастую в противоречивых формах).

Расизм меняет концепции государства и нации, определенные фашизмом. Нельзя более уклоняться от рассмотрения проблемы происхождения, поскольку признается, что политический курс не может быть «системой равновесия», а должен основываться

ся на твёрдом руководстве государством и нацией со стороны элиты, которая представляет самые ценные и самые достойные элементы общества. Именно в этот момент требуется вновь поставить вопрос о формировании наций и под углом, весьма отличным от старого (с точки зрения исключительно исторической перспективы).

У истоков любой действительно национальной традиции мы видим относительно чистую и однородную расу (по крайней мере, расу, доминирующую над остальными расами, которые ей подчиняются). На протяжении веков эта первоначальная раса переживала различные перипетии. В итоге она либо потеряла свою энергию, либо посторонние влияния привели к рождению социально-политических образований, в которых проявилось смешение. Это смешение было связано с допущением элементов, характерных для других рас. Результат: то, что до этого момента имело «доминантный» характер, осталось всего лишь в размытой, «рецессивной» форме. С другой стороны, можно также констатировать спорадическое возрождение, повторное появление первоначальной расы и первоначальных традиций – тенденция, которая сохраняется несмотря ни на что, тенденция к освобождению, тенденция вновь дать жизнь формам и свершениям в соответствии со своей собственной природой.

Согласно этой новой манере видения должна быть написана (и впредь преподаваться) вся наша национальная история. Она должна продвигать решения внутреннего порядка и формировать твердую волю, а не исходить из точки зрения абстрактных знаний или бесплодных сетований. Следовательно, необходимо до конца впитать в себя идею того, что внутри нации существовала и всегда существует «высшая раса». Все, что привнесено извне, из других рас и добавляется к единой национальной традиции данной расы, не имеет и в принципе не может иметь позитивной ценности, разве что если расовые корни других народов сходны, и преобладают условия, благодаря которым первоначальное ядро может сохранить – прежде всего, в духовной сфере – свое «доминантное» качество. В противном случае это добавление – вещь ненужная, парализующая или даже тлетворная.

Что же касается будущего, то если ставится цель сохранить сплоченность, единство систем, соответствующих данному народу, необходимо отдавать себе отчет в опасности, заключающейся в принципе «отпущения истории на самотек». Напротив, нужно действовать с той целью, чтобы та часть нации, которая наиболее ценна с расовой точки зрения, сохранялась и даже развивалась на протяжении последующих поколений и чтобы менее ценные (или просто второстепенные) ее компоненты не распротранялись и не укреплялись, чтобы они не стали преобладающими.

Именно в перипетиях различных эпох национальной истории острый взгляд должен привыкнуть узнавать скрытые аспекты. Мы должны находить альтернативу (в расовом плане) влиянию элементов, которые из рецессивных становятся доминантными (и наоборот).

С этой точки зрения раса означает, вне всякого сомнения, нечто больше чем просто нация. Это руководящий и формирующий элемент нации и цивилизации. И это полностью согласуется с фашистскими идеями. Фашизм (и этим он отличается от национал-социализма и превосходит его) отвергает концепцию Нации вне Государства. Для фашизма именно Государство придает форму и сознание Нации. Но Государство – это не абстрактный и беспристрастный субъект. Согласно идеям фашизма, Государство – это также и инструмент политической элиты наилучших элементов нации.

Расизм делает еще один шаг вперед: эта элита призвана подхватить факел расы и ее наиболее возвышенные традиции, присутствующие в национальном компоненте. И когда Муссолини говорил в 1923 году: «Рим всегда останется – и завтра и в грядущих веках – вечным сердцем нашей расы, это непреходящий символ нашей жизненной силы», – он тем самым безошибочно указывал направление единственно пра-

вильного пути: идеальная раса итальянской нации – это римская раса, которую мы называем также арийско-римской.

Вспомним также, что говорил Муссолини в 1923 году, выступая перед фашистской элитой: «Вы представляете собой по истине чудо нашей древней и удивительной расы, которая, конечно, знала мрачные времена, но никогда не знала сумерек упадка. Если иногда казалось на какое-то время, что она находится на закате, то она всегда возрождалась с еще большей силой». Все это точно соответствует тому, что мы только что изложили в рамках «расизма» относительно наследственной устойчивости первичной расы и перипетий, связанных с чередованием «доминантных» и «рецессивных» форм на протяжении национальной истории.

6. ЗНАЧЕНИЕ РАСОВОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Как все знают, в Германии на основе результатов, полученных теорией наследственности, приложенной к расе, расовой гигиене и демографии, уже некоторое время применяются меры, преследующие цель поставить преграду передаче потомкам дефектной наследственности. Здесь не место рассматривать основы таких мер или дискутировать по поводу их правомерности. Просто отметим: во многих случаях пределы действия законов наследственности с абсолютной точностью установить невозможно. Должна быть достаточной сама мысль о возможности риска, чтобы побудить любого человека, обладающего этическим сознанием, придерживаться твердой линии поведения и держать под контролем все то, что может диктовать ему слепой инстинкт или простая сентиментальность.

Надо сказать то же самое о скрещивании европейских рас с другими расами. Принятие «расистских» законов в Италии обуславливалось не в последнюю очередь необходимостью предотвращения смешения кровей в нашей новой колониальной империи. Но, еще раз, решающую роль играет, прежде всего, внутреннее убеждение. Надо отдавать себе полный отчет в том, что будет просто предательством своей крови, своих предков, а также и преступлением против потомков, если для удовлетворения сиюминутного каприза, из-за нежелания сдерживать физические инстинкты или из-за сантиментов произойдет загрязнение расы.

Даже если общий тип той или иной нации «смешанный», все равно необходимо предохраняться от всякого дальнейшего смешения крови. Защита от смешения крови и изоляция элементов, в которых раса уже подавлена, – таковы основные аспекты профилактического расизма. На их соблюдение должны быть направлены меры расовой гигиены, тесно связанной с общей демографией.

Но наш расизм идет дальше: он включает не только негативные (защитительные) меры, но также и позитивные меры по интенсивному укреплению расовых элементов и селекции. Было бы бесполезно ограничиваться лишь запретительными законами, так как наша основная цель – формирование инстинкта, совершенствование чувства ответственности.

Здесь надо вновь вернуться к такой деликатной проблеме, как [выбор партнера в супружестве](#). Сфера выбора партнера – это единственная сфера, где можно перейти от теории к практике и приложить позитивные усилия, чтобы раса последующих поколений данной нации (нации в общем смысле) постепенно очищалась, поднималась и все более приближалась к типу, характерному для высшего ядра (или расовому идеалу).

7. ОПАСНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕЛЕКЦИИ

Для того чтобы следовать в этом направлении, нужно иметь не только расовое сознание, но и четкий расовый идеал (не теоретически, а как объект искренних

устремлений, которые должно разделять наибольшее число людей данного народа). Чтобы добиться этого, необходима методичная и упорная воспитательная работа. Очевидно, что она должна быть направлена, прежде всего, на молодежь. С этой целью должны использоваться все возможные средства: примеры из прошлого, специальная литература, даже кино. Нельзя отрицать, например, того большого воздействия на массы, которое оказали известные американские фильмы, создавая образы популярных международных идолов (можно посмотреть на эту проблему с расовой точки зрения). С помощью таких образов надо добиться возрождения человеческого идеала, соответствующего преобладающей расе. И если к «внушению», которое оказывают такие человеческие образы, добавить расовое сознание вместе с чувством внутреннего достоинства и ответственности, к чему мы постоянно призываем, тогда будут созданы необходимые предпосылки внутреннего выбора и консолидации расы.

Что касается супружеского выбора, то выбор женщины мужчиной является, несомненно, крайне важным, и не только потому, что на практике инициатива принадлежит, как правило, мужчине, но также из-за действия вполне определенных расовых законов. Древние арийские учения подтверждают выводы расовой теории о том, что в результате скрещивания новорожденный мужского пола получает «доминантные» характеристики, а женского, напротив, «рецессивные». Отсюда следуют два важных закона:

1. В случае брака мужчины «низшей» расы с женщиной «высшей» расы потомство последней оказывается расово подавленным и загрязненным.
2. В случае брака мужчины «высшей» расы с женщиной «низшей» расы потомство последней может быть улучшено.

При рассмотрении данного вопроса надо учитывать, что понятия «высшая» и «низшая» относительны. «Низшие» расы практически не присутствуют в каком-либо современном европейском народе. Указанные законы в этом смысле основываются на внутренних, духовных условиях, о которых мы уже говорили в наших различных трудах по расовому вопросу. Здесь мы их приводим лишь для того, чтобы подчеркнуть их очевидную важность в вопросе о супружеском выборе и расовой селекции.

Новая необходимость, новый инстинкт, образы, навеянные четко определенным расовым идеалом, должны постепенно привести нацию в порядок. Не в смысле рационализировать ее, как это может иметь место в каком-либо государственном зоотехническом учреждении, а в смысле сделать ее политику осознанной. Нацию должны определять не только сантименты или желания (и еще в меньшей степени определенная экономическая, утилитарная или конформистская конъюнктура). В ней должны присутствовать интересы и склонности того типа людей, которые в высшем смысле представляют «расу». По этой причине расовая теория должна прояснить и уточнить свою позицию в области демографии, особенно в отношении так называемой «демографической кампании», поддерживая ее дух на основе законов наследственности, так как вероятность противодействия селекции всегда существует.

Мы имеем здесь в виду, что в области демографии мы не можем довольствоваться исключительно количественными критериями (рождение наибольшего количества детей), поскольку надо также рассматривать и качественный аспект; надо задаваться вопросом – каких детей хочет иметь быстро растущая нация. Простое неразборчивое размножение без учета расового состояния всей нации может способствовать и, в конце концов, привести к вторжению элементов менее желательной расы (поскольку в связи с известными обстоятельствами размножаются именно эти элементы) в ущерб высшей, но меньшей по численности расе. В этом случае действует обратная селекция, детально описанная в работах Ваше де Лапужа, которая приводит к падению расового уровня нации. Такая опасность (которая во многих цивилизациях оказалась смертельной для политических органов, созданных различными ядрами

господствующих арийских рас) может быть нейтрализована, если Государство последовательно будет проводить воспитательную работу, направленную на распространение идей, о которых мы уже говорили. Результатом этой работы должны стать явные позитивные результаты в деле супружеского выбора и, в широком плане, внутри данной нации.

8. РАСА И ДУХ

Мы уже сказали, что в соответствии с «тоталитарной» концепцией фашистского расизма раса не сводится только к простому биологическому субъекту. Человеческое существо – это не только тело, это также душа и дух. Но научная антропология либо исходила из материалистической концепции человеческого существа, либо, признавая реальность нематериальных принципов и сил в человеке, довольствовалась, однако, тем, что ограничивала проблему расы рамками физиологии.

Даже в многочисленных современных трудах по расовой теории позиции авторов относительно того, как связаны между собой раса, тело и дух, страдают отсутствием четкости. Более того, в них можно усмотреть даже опасные отклонения, которые, естественно, максимально используют противники расовой теории. С нашей точки зрения, необходимо решительно выступать против такого расизма, который считает все духовные способности и всю человеческую ценность простым следствием расы в биологическом смысле этого термина и который постоянно преуменьшает значение высшего и низшего (ориентируясь при этом на дарвинизм и психоанализ). Также надо выступать и против тех, кто занимается проблемами антропологии, генетики и биологии, с целью доказать, что, раса не имеет ничего общего с духовными проблемами и культурными ценностями человека.

Наша позиция, утверждающая, что раса существует как физически, так и духовно, отмечает обе эти точки зрения. Раса – это глубинная сила, которая проявляется как в физическом плане (раса физическая), так и в духовном (внутренняя, духовная раса). В широком смысле слова, чистота расы имеет место, когда наблюдается совпадение этих двух факторов, то есть когда физическая раса соответствует духовной, или внутренней расе, и способна служить ей, являясь наиболее адекватным ее выражением.

Необходимо еще раз подчеркнуть революционный характер такой точки зрения. Утверждение, что существует духовная раса, идет вразрез с эгалитаристским и универсалистским мифом, в том числе в культурном и этическом плане, и на голову разбивает рационалистическую концепцию, которая говорит о «нейтральности» ценностей. В конечном итоге утверждается принцип и ценность отличий, в том числе в духовном плане. Отсюда следует совершенно новая методология. Ранее в отношении какой-либо философии задавался вопрос о том, «истинная» она или «фальшивая», в отношении какой-либо морали требовалось определить понятия «добра» и «зла». Так вот с точки зрения расового менталитета все это представляется второстепенным: не ставится вопрос об определении, что является «добром», а что «злом»; ставится вопрос, для какой расы может быть верной данная концепция, для какой расы может быть ценной и подходящей данная норма. Можно сказать то же самое о юридических нормах, об эстетических критериях и даже о системах познания природы.

«Истинность», ценность или критерии, которые для данной расы являются действительными и полезными, могут вовсе не быть таковыми для другой расы и даже привести к прямо противоположным результатам, если их взяла бы на вооружение другая раса, к ее денатурализации и деформации. Таковы революционные последствия в сфере культуры, искусства, мышления, социологии, происходящие из теории духовной расы в отличие от расы физической.

Однако надо уточнить, с одной стороны, границы изложенной здесь точки зрения, с другой – различия, которые необходимо проводить между расой души и расой духа. К расе души относится все, что сформировано в плане характера, восприимчивости, естественных наклонностей, «манеры» действия и реакции, отношения к собственному опыту. Здесь мы входим в область психологии и типологии, науки о типах, которая развилась в форме типологической расовой теории (или расовой типологии) – науки, которую Л.Ф. Клаус назвал психоантропологией. С точки зрения этой науки «раса – это общность людей, которая характеризуется не теми или иными психическими и физическими признаками, а стилем (манерой поведения, образом жизни), который проявляется посредством этих признаков».

Сразу же можно констатировать различие между чисто психологической концепцией и расовой, которая идет дальше. Психология определяет и изучает некоторые абстрактные склонности и способности. Некоторые расологи пытались распределить эти склонности между различными расами. Со своей стороны, психоантропология действует по-другому: она утверждает, что все эти склонности присутствуют, хотя и по-разному, в различных расах, но в каждой расе они имеют различные значения и функции. Например, расовая теория не утверждает, что одна раса характеризуется героизмом, а другая, наоборот, меркантилизмом. Во всех человеческих расах встречаются люди, предрасположенные к героизму или меркантилизму. Но эти склонности проявляются у людей разных рас по-разному. Можно сказать, что герой, исследователь, торговец, аскет и т.д. выступают у различных рас в различных формах, обусловленных внутренней расой. Чувство чести так, как оно проявляется у человека, например, нордической расы, отличается от проявления этого чувства у западного или восточного человека. То же можно сказать о чувстве верности, и т.п.

Все это призвано уточнить значение концепции «расы души». Концепция «расы духа» отличается от нее тем, что она не занимается различными типами реакции человека на среду и на обычный каждодневный опыт, но занимается его отношениями с духовным, надчеловеческим и божественным миром, как это проявляется в форме, характерной для созерцательных систем, мифов и символов, а также для самого разнообразного религиозного опыта. В этой области также присутствуют общие знаменатели или, если угодно, сходства вдохновения и позиции, которые опять-таки ведут к дифференцированной внутренней причине, которая как раз и является «расой духа».

Однако теперь необходимо рассмотреть, до каких пределов может простираться норма детерминизма расовых ценностей. Этот детерминизм является реальным и решающим даже в области духовных проявлений, когда речь идет о свершениях, характерных для «гуманистического» типа цивилизации (где человек закрыл для себя путь к любой возможности действительного контакта с миром трансцендентного, потерял все истинное понимание познаний, относящихся к этому миру и к традиции, действительно достойной этого имени). Однако когда речь идет о действительно традиционных цивилизациях, действительность «рас духа» не выходит за определенные пределы: это касается не содержания, а только различных форм выражения, которые у разных народов, в разные циклы цивилизации приобрели идентичные и объективные по существу опыт и познания, потому что они действительно относятся к сверхчеловеческому плану.

9. ВАЖНОСТЬ ТЕОРИИ 'ВНУТРЕННИХ РАС'

Тоталитарная доктрина расы определяет отношения между расой и духом на основе принципов, которые мы уже упоминали: внешнее – это функция внутреннего, физическая форма – это одновременно инструмент, выражение и символ психической формы. Из концепции действительно чистого расового типа, такого, как мы обрисовали, следует: это цельный тип, гармоничный, последовательный, унитарный. Это тип, в котором высшие духовные устремления данной расы не встречаются ни препят-

ствий, ни противоречий со стороны черт характера и «стиля» души, в то время как душа этой расы находится в свою очередь в теле, способном выразить ее.

Очевидно, что невозможно найти «чистый» тип, представленный большой массой людей среди современных народов, которые, как отмечалось, в основном соответствуют этническим «компонентам». Кроме того, это могло бы иметь место только в среде расы, которая оставалась достаточно долго в изоляции от всякого инородного влияния, что соответствует только идеальным условиям, то есть теоретически совершенной кульминации и реализации расы в общем смысле. Речь идет в действительности о кульминации, относительно которой мы сказали, что высшие ценности личности идентифицируются с ценностями расы.

По этой причине в данном случае расовые исследования не могут быть просто количественными; однако, не игнорируя общих внешних элементов, которые численно господствуют, эти исследования должны быть направлены на поиск того, какой представитель данной расы наиболее подходит для воплощения наиболее полного и наиболее чистого образца определенного стиля, так чтобы он мог взять на себя и включать в себя то, что он выражает и оживляет (то есть его внутреннюю расу), и отобразить чувство начального единства, в котором конвергируются различные элементы расы. После того как это будет сделано, можно рассмотреть также менее чистые расовые типы, то есть такие, у которых соответствие между различными элементами, внешними и внутренними, не является ни полным, ни совершенным, у которых наблюдается, так сказать, искажение этой расы. Таким образом, речь идет о качественном исследовании, о поиске, основанном на внутреннем изучении, на интуитивных и интроспективных способностях. Естественно, большую роль здесь играет физиогномика, или наука о чертах лица: общеизвестно выражение «лицо – это зеркало души». Тело (форма черепа, пропорции конечностей и т.д.) также может многое сказать тому, кто разбирается в этом. Отсюда следует большое значение таких наук как краниология (наука о формах черепа), изучение скелета и т.д., которые на первый взгляд могут показаться чисто техническими.

Под этим углом зрения расизм положительно относится к изучению тела и, в более общем плане, физического облика человека. Ему не безразлична форма тела – это не нечто случайное и нейтральное. Всякий, кому не безразлично, в какой тип объединены все элементы данного человека, не может не замечать трагических и отрицательных сторон в тех случаях, когда такое единство исчезло. Душа, которая живет в убеждении, что в нашем мире надо определить жизненную позицию, словно цель в бою или при завоевании, должна обыкновенно иметь лицо, в котором энергичные и правильные черты отражают этот внутренний опыт, вместе со стройной, крупной, энергичной и прямой фигурой – арийский или северо-арийский тип. Представим себе теперь, что такая душа, наоборот, воплощена в полное, одутловатое лицо, плотный, неповоротливый корпус (плюс другие физические черты) – несоответствие налицо, все это отвечает совершенно иному внутреннему типу. Конечно, внутренняя раса войдет, так или иначе, в противоречие с этим инородным обликом и придаст этим чертам лица другое выражение – несмотря ни на что, она найдет способ выразить себя. Но, как выразился Л.Ф. Клаус, это все равно, что пытаться играть на дудке партитуру, написанную для скрипки.

Расовое воспитание должно иметь целью показать, что и в этой области расизм руководствуется классическим духом и выдвигает человеческий идеал, соответствующий этому духу. Он хочет точного соответствия между внутренним и внешним, между содержанием и обликом. Он хочет цельных существ – выразителей связанных и унитарных сил. Расизм не принимает и противостоит всякому смешению, всякому разрушительному дуализму и также, следовательно, всей этой романтической идеологии, которая находит удовольствие в трагической интерпретации духовности и предполагает, что только посредством вечного противостояния, страданий, неутолимой жажды и смутной борьбы можно достичь высших ценностей. Истинное превосходство

арийских рас, напротив, – это олимпийское превосходство. Оно заключается в спокойном господстве духа над телом и душой, которые, отображая расу (согласно своему стилю и соответствующим ему законам), представляются нам адекватными средствами выражения. Теория внутренней расы важна, поскольку она обнажает самую губительную сторону скрещивания и смешения кровей: в их результате возникают внутреннее смещение и противоречия, разрыв глубинного единства человека данной расы. В результате душа одной расы находится в теле другой, что вызывает изменения в обоих. Появляются действительно «неприспособленные» люди в широком смысле этого слова, так что после того, как в борьбе и самых разнообразных столкновениях истощится внутренняя сила (а та, которая оставалась в определенных все еще «доминантных» пределах, теряет при этом свое качество), внутренняя раса размывается и заменяется бесформенной и смешанной субстанцией, носителями которой являются тела, у которых первоначальные расовые характеристики остаются, в конце концов, лишь как далекие воспоминания, как формы, лишенные своего глубокого смысла. Именно в этот момент начинают воплощаться в действительность интернационалистские и космополитические мифы – порождение вышеуказанной идеологии основополагающего духовного равенства человечества.

Итак, действовать надо в противоположном направлении. Отправным пунктом является внутренний экзамен, направленный на то, чтобы найти, каков в действительности в нас основной элемент, «собственная природа» (или духовная раса), в соответствии с которой необходимо привести нашу жизнь и которой, прежде всего, надо быть верными. Необходимо стараться придать себе максимум связности и единства или, по крайней мере, чтобы в потомках соединились наиболее благоприятные условия на основе того, что уже получено, поскольку пластичное формирующее влияние, которое оказывает идея даже в соматическом и биологическом плане (исходя из того, что она имеет определенную связь с первоначальным внутренним элементом расы) – это позитивная реальность, о чем свидетельствуют явные исторические примеры, как на коллективном, так и на индивидуальном уровне.

В области культурной политики задачи расовой науки также ясны. Как пишет Л.Ф.Клаус: «Подобно тому, как научные познания оказывают влияние на историю, цель, которую преследует психоантропология, следующая: она должна указывать границы, которые никакой народ, никакая общность людей по крови и культуре не должны переступать или открывать без риска своего собственного уничтожения. Поэтому поиски границ души являются в настоящее время исторической задачей». Имеется в виду в основном задача создавать благоприятные условия (не только между индивидами, но также и нациями) для того соединения и единства, того соответствия между внешним и внутренним элементами, о которых мы уже говорили применительно к личности. Последнее обстоятельство способствует большему пониманию центральной идеи соображений, высказанных здесь об отношениях между расой и нацией.

Не менее важным для общей доктрины расы является преодоление опасностей узкого релятивизма и партикуляризма, которые могут возникнуть при одностороннем и крайнем изложении. Именно в сфере культуры – промежуточном состоянии между телесностью и чистой духовностью – возникает неотложная необходимость защитить определенные внутренние границы, определить «творческий предел» (по словам Гете), ведущий к субрасовому смешению, и даже к глубинам субличностного смешения, которое дает простор процессам денатурализации, распада и внутреннего разрыва).

10. ВНЕШНИЙ ОБЛИК РАЗЛИЧНЫХ РАС

Как мы уже не раз упоминали, одна из характерных черт современного расизма – это поиск первичных этнических ядер (основ). Антропология вчерашнего дня ограничивалась суммарной классификацией известных рас – белой, черной, желтой, красной,

и т.д. – как все мы изучали в школе. Но современный расизм развил анализ и классификацию гораздо дальше, особенно в отношении белой расы, которая нас интересует больше всего. Так вот в области физических рас современные исследования различают внутри так называемой «белой», или «кавказской», расы еще целый ряд рас, имеющих свои внешние особенности и постоянные характеристики, законы наследственности и скрещивания.

Мы отсылаем читателя к классификации, описанной в нашем труде под названием «Миф крови», а здесь ограничимся лишь напоминанием основных ее моментов. Следует различать в белом мире шесть основных рас. Прежде всего, назовем нордическую и западную расы (последнюю некоторые авторы также называют средиземноморской). В обеих преобладает долихоцефалия; светлые волосы у первой и темные у второй; пропорции конечностей у обеих рас одинаковые. В общем люди западной расы меньше ростом и более утонченные: у них черты лица менее резкие. Далее идет фальская раса, которую Гюнтер определяет как «тяжеловесную светловолосую расу», которая имеет много общего с нордической расой, но отличается от нее тем, что она более плотная и высокая. В ней заметна определенная медлительность, как физическая, так и умственная, склонность к интроспекции, возможна брахоцефалия, предрасположенность к настойчивости, которая вырождается в упрямство. Затем следует динарская раса, в которой наблюдается сплав нордической и западной расы, вместе с элементом, который встречается у некоторых неевропейских рас, таких как армянская или ближневосточная: это проявляется, по крайней мере, во внешнем облике (нос, губы и т.д.), хотя этот инородный компонент не имеет последствий в духовном плане. Человек динарской расы активен, предрасположен к войне, порядку и стилю, что характерно и для нордического человека, но он проявляет меньше концентрации и больше легкости (вкус к цветам, склонность к веселью, и т.д.). Затем идет альпийская, или восточная раса. Это более округлый, мясистый тип, в нем чаще встречается брахоцефалия, у его представителей черные волосы, маленькие, слегка округлые глаза, невысокий рост, желтоватая кожа. И, наконец, восточно-балтийская раса, которая преобладает среди народов, близких к России. Это люди с вытянутым лицом, светлыми волосами, серыми глазами; скулы и форма глаз напоминают монгольский тип, лоб низкий и нос приплюснутый. Похоже, что у этой расы элементы туловища, сочетающего нордические и западные черты, также абсорбировали некоторые элементы неевропейской расы, соответствующие расе первых славянско-азиатских народов.

Таковы основные европейские физические расы, которые можно квалифицировать как конститутивные. В среде этих народов нет недостатка в инфильтрации посторонних рас: ближневосточной, «пустынной», монголоидной, негроидной, средиземноморско-африканской, к которым прибавляется еврейский элемент. Последний, несмотря на устойчивость специфических общих типов, тем не менее, должен считаться не отдельной расой, а некой этнической смесью, которая определяется, прежде всего, общей «расовой душой».

Если перейти теперь к «расизму второй степени», надо посмотреть, какое содержание, какие души (или раса души) соответствуют физическим формам и предрасположенности каждой из этих «рас тела» – инструменту, который позволяет им выразиться в верной форме. В этом направлении исследований дальше всех пошел опять-таки Л.Ф. Клаус. Мы опять отсылаем читателя к резюме его теорий, которое можно найти в нашей книге «Миф крови», здесь же мы ограничимся простым упоминанием об этом.

Тип души, наиболее подходящей нордическому физическому типу, – это тип расы «активного человека», человека, который чувствует мир как нечто, что разворачивается перед ним, как объект завоевания или нападения. Напротив, западному типу, как правило, более свойственен стиль души, раскрытой вовне, предрасположенной к игре, жесту и картинности; души, которая чувствует себя в мире как актер, который

должен играть роль перед публикой. Альпийская раса характеризуется внешним выражением глубин души. Ее представителям нравится размышлять о себе самих, отстранять от себя проблемы каждодневной жизни, погрузившись в деятельность, направленную на реализацию спокойного и гарантированного благополучия. Фальская раса отражает стиль души, который характеризуется упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей, некоторой неповоротливостью, без искры внутренней свободы. Далее Клаус рассматривает две последние расы души – по его определению, «ориентальную», или «пустынную» расу и «ближневосточную». Что касается первой, то это раса «человека откровения», который склонен смотреть на мир как на вечное чудо, постоянное проявление случайностей, который, как кочевник, любит перемены и непредсказуемость. Что касается второй, то это раса «человека искупления», который характеризуется чувством рабства в отношении тела и плоти, вместе со смутным желанием освободиться и искупить свою вину на основе неустранимого дуализма между плотью и духовностью (или святостью).

Однако связи, которые установил Клаус между расой тела и расой духа, должны рассматриваться в этих последних двух случаях как очень приблизительные, поскольку одни и те же внутренние склонности могут также характеризовать и другие расовые элементы; так, например, раса «человека откровения», как показывают различные наблюдения Клауса, во многом совпадает с восточно-балтийской расой тела, а раса «человека искупления» включает, прежде всего, некоторые характерные черты «стиля» еврейского компонента. Клаус не рассматривал свою теорию внутренней расы применительно к последней расе тела – динарской расе; тем не менее можно предположить, без риска ошибиться, что ее «стиль» включает определенные элементы «активной» души, к которым добавляется кое-что от элементов западно-средиземноморской расы (вкус к «театральному» действию, только, может быть, менее картинному), а также влияние нестабильности, характерной для «человека откровения».

Здесь мы хотели бы отослать читателя к ряду имен, полезных только в случае перехода к практической стадии изучения данного вопроса, то есть если читатель захочет узнать, какой реальный вклад внесли эти люди в изучение различных характерных черт той или иной расы, и сделать спектральный анализ лиц, чтобы найти наиболее «чистые» типы (этот термин указывает в полном смысле на внутренний элемент «расы души»). Для этого необходимо обратиться к фотографической документации, которую без труда можно найти в основных опубликованных по этому вопросу работах. Среди прочих можно указать наши работы «Миф крови» и «Синтез расовой доктрины», труды Гюнтера, фон Эйкштедта, Фишера, самого Клауса и других. В качестве следующего шага можно перейти от книг к действительности, к жизни, то есть научиться определять влияния и свидетельства вмешательства той или иной расы по особенно наглядным физиономиям, на реальных живых людях, чтобы натренировать глаз не только как антрополога, но и психолога, научиться видеть согласие или противоречия между внутренним элементом и соматическими и физиогномическими элементами.

Затем займемся развитием способности распознавать расовые интерференции (между сходными расами). Положительные результаты может дать изучение и анализ не только физической породы, но также и стиля действия, поведения и мышления, характерных для различных типов. Вообще говоря, если допускается, что скрещивание между нордическими и западными элементами, между фальскими и динарскими элементами являются благоприятными, то скрещивание между этими элементами и альпийским или восточно-балтийским типом, напротив, считается нежелательным, так же как и смешение этих двух последних рас между собой. Однако не считается неблагоприятным союз между фальскими элементами и средиземноморскими, динарскими и западными.

Наиболее чистый и ценный элемент, который сохраняют все эти расы благодаря изначальному единству происхождения, можно определить термином «арийская раса» или «северо-арийская раса», смысл которого мы раскроем на следующих страницах.

11. ПРОБЛЕМА РАСЫ ДУХА

Мы уже сказали, что за пределами души и тела раса проявляет себя также и через дух. Так вот поиски «рас духа» – это особая дисциплина, которая сегодня еще находится в зачаточной стадии, за исключением нашего личного вклада в ее изучение; успехов в этой важной области мало, если иметь в виду реализацию действительно полноценных мер в расовом плане. В Германии она является составной частью так называемой *Kampf um die Weltanschauung*, то есть «Борьбы за мировоззрение» (речь идет о мировоззрении с точки зрения расы; всякая общая концепция мира по существу может рассматриваться как выражение различных рас духа).

Наука о расах духа восходит к источникам морфологии первоначальных традиций, символов и мифов, и развивается параллельно с ней. С этой точки зрения ограничиваться современным миром и пытаться ориентироваться в нем – значит с самого начала обречь себя на неудачу: в современном мире и культуре существуют лишь отдаленные отражения сомнительных пережитков, простые производные «рас духа». В области расы души еще можно согласиться с тем, что есть определенные знания, определенный прямой опыт – достаточно сослаться на качества характера, непосредственные внутренние реакции, стили поведения, склонности, которые не приоб- ретаются и не вырабатываются, а являются врожденными.

Следовательно, качества, которые либо имеются, либо нет, тесно связанные с кровью, как мы говорили, имеют нечто более глубинное, чем кровь. «Раса души» возникает из жизни, хотя, когда она существует в латентном состоянии, для того чтобы выявить ее и узнать ее черты и интенсивность, необходимы исключительные случаи, испытания и кризисы.

В области «расы духа» задача гораздо более сложная. То, что в наши дни и на протяжении веков подразумевалось под словом «дух», имеет мало общего с тем, что собственно мы понимаем под словом «дух». В реальности мы сегодня сталкиваемся с глубоко стандартизированным и расчлененным миром, в котором трудно встретить верные в высшем смысле инстинкты. В плане познания совокупность современных наук имеет отправной точкой рационализм и экспериментализм, ее формулировки и проявления универсальны для всех людей; такие познания, по общему мнению, полезны, «позитивны» и «научны», и их можно приобрести, признавать, принимать и применять к кому угодно: ни раса, ни призвание не имеют значения. В плане культуры, а именно в области искусства и мысли, имеют место более или менее субъективистские ограничения; пределом являются произведения, которые часто имеют характер «фейерверка», выделяются своим лиризмом и критичеки-диалектическим подходом, но в которых отсутствуют какие-либо глубокие корни.

В нашем мире и культуре, которые, исходя из таких предпосылок, почти полностью потеряли контакт с реальностью в трансцендентном смысле, с неизбежностью очень трудно проводить исследования, которые ставят целью определить как «стиль» трансцендентного опыта, так и «форму» различных возможных позиций человека по отношению к такому опыту. А именно это является объектом исследований, проводимых в отношении «рас духа».

Поэтому необходимо вернуться в мир, в котором истинная духовность и метафизическая реальность были без сомнения формирующими силами, которые служили осью цивилизации во всех своих формах, начиная с мифологического и религиозного плана и кончая юридическим и социальным (что означает вернуться к миру до- современных и «традиционных» цивилизаций). Установив таким образом точки от-

счета, можно затем перейти к современному миру, чтобы выявить различные влияния, которые почти как эхо еще доходят от той или иной «расы духа» даже до нашего ослабленного мира, до нашей в основном «гуманистической» культуры, то есть определяемой исключительно человеческим, слишком человеческим.

Здесь мы только вкратце сошлемся на типологию рас духа; тем же, кто хотел бы располагать дополнительной информацией, полезной для формирования расового сознания, мы рекомендуем две наши следующие работы: «Синтез расовой доктрины» и особенно «Восстание против современного мира», а также подборку отрывков из трудов Дж. Бахофена в нашем переводе, под названием «Раса Солнца» – исследование тайной истории древнего средиземноморского мира.

Древнегреческий автор говорил: «Существуют расы, которые, будучи расположенными на равном удалении между божественным и человеческим, колеблются между ними». Одни из этих рас, в конце концов, начали тяготеть к первому элементу, другие – ко второму, то есть к человечности.

Первая позиция определяет расу духа, названную «расой Солнца». Еще ее называют «олимпийской» расой. Для нее естественным представляется сверхчеловеческий элемент, подобно тому, как для других рас естественным представляется элемент человеческий. Можно сделать вывод, что в первом случае в отношениях между этой расой и метафизическим миром преобладает трансцендентное чувство; посторонним и случайным представляется здесь скорее человеческий элемент. Отсюда происходит также чувство «центральности» (оправдывающее само название «расы Солнца»), «стиль» просветленного спокойствия, мощи, непоколебимой суверенности и непостижимости, что как нельзя более соответствует другому названию этой расы («олимпийская»).

«Расе Солнца» противостоит «теллурическая раса», или «хтоническая» («земная»). В ней человек обретает свой смысл, свое значение из темной и дикой связи с лишними света силами земли и жизни в низшем их смысле; в этой расе поддерживается туманная связь с землей (ср. архаичные культы «духов» растительности и сил стихии), чувство фатализма (особенно в отношении смерти), брэнности человека, который растворяется в коллективной субстанции породы и становления.

Затем отметим «расу Луны», или «деметрийскую» расу: наподобие того, как Луна является погасшим солнцем, этой расе не свойственно никакое чувство духовной центральности, поскольку эта раса воспринимает духовность в пассивной форме, как отражение; ей чужд всякий «стиль» утверждения и спокойной мужественности, это форма, которая характеризуется созерцательным опытом и основывается в основном на пантеизме. Термин «деметрийская раса» происходит от древних культов Великих Матерей природы, которые характерным образом выражали эту расу и ее духовность; они располагались под «женским» знаком, то есть в спокойном, рассеянном свете, и выражали чувство вечного порядка, одновременно и духовного и природного, в котором стирается вся тоска становления, вместе с самой индивидуальностью. В социальном плане «раса Луны» часто порождает систему матриархата, в то время как отцовское право всегда характеризовало «расу Солнца» или производные от нее расы.

«Раса Титанов», как и «теллурическая» раса, также связана со стихийными силами, с аспектом неизмеримой глубины, интенсивности и иррациональности жизни, но ее «стиль» характеризуется не нейтральной и пассивной идентификацией, как у «теллурической расы», а, напротив, «стилем» утверждения, воли и мужественности, который страдает, однако, тем же отсутствием просветленного внутреннего освобождения. Так что только герой Геракл сможет освободить титана Прометея (далее по тексту мы увидим значение всего этого).

«Раса Амазонок», чье интригующее название связано со «стилем» опыта, характерного для «лунной расы» (и по аналогии женским), но который воспринял утвердительные и мужественные формы выражения (наподобие амазонки, принимающей стиль, характерный для воина).

«Раса Афродиты» характеризуется не только с точки зрения эротико-сексуальной сферы, но скорее относится к «эпикурейскому стилю», который отражает соответствующий опыт... Она отличается утонченностью различных форм материальной жизни и культуры в эстетическом смысле, в целом духовностью, которая колеблется между любовью к красоте, форме и чувственным удовольствиям.

Что касается «стиля», характерного для опыта, в котором экзальтация инстинктов и интенсивность жизни соединены с ощущением, то он выдвигает только смутно экзистенциальные решения (то есть «лунные» по своей пассивности и отсутствию форм), хотя не происходит никакого истинного внутреннего освобождения, а только отдельные короткие мгновения избавления; таков «стиль», который определяет «расу Диониса».

Последняя раса духа – это «раса Героев», но не в современном смысле этого слова, а в смысле, который ему придавал Гесиод в связи с четырьмя возрастами человечества. В герое действует «солнечная» или «олимпийская» природа, но в латентном состоянии или как возможность реализации посредством активного преодоления себя (характеристики, которые можно встретить также в стиле «титанического» или «дионисийского» человека, даже когда его функции будут совершенно другими).

Конечно, все вышесказанное – это только беглый обзор данного вопроса. Любой, кто захочет углубить эту типологию до такой степени, что сможет обрести определенную способность распознавания, сможет увидеть историю в ее последовательности (как историю цивилизаций, так и религий) под совершенно иным углом. То, что до сих пор представлялось унитарным, выявит свои действительные компоненты. Он увидит непрерывность, на протяжении всей истории, глубинных вен, являющихся общими источниками совокупности индивидуальных и коллективных проявлений, которые на первый взгляд кажутся различными или разбросанными во времени и пространстве. И сможет ориентироваться даже в самых мелких формах современной культуры и предчувствовать, то здесь, то там, воскрешение или адаптацию первоначальных форм «рас духа».

Далее необходимо показать, как взаимосвязаны раса духа, раса души и раса физическая. Какие элементы «расы Солнца» и «расы Героев» предрасположены к «стилю», характерному для «активного человека» и североарийского и западноарийского человека с долихоцефалией в физическом плане. «Раса Луны» имеет свое наилучшее выражение в физических и соматических характеристиках альпийской расы и в том, что осталось от древней средиземноморской расы, которую можно в общем выразить термином «пеласгическая раса». Расы Афродиты и Диониса могут довольно хорошо гармонировать с некоторыми ответвлениями западной расы, особенно с ее кельтскими ответвлениями; «раса Диониса» может даже гармонировать с пустынной и восточно-балтийской расами и, что вселяет определенную тревогу, с ближневосточной. Напротив, «титанический» элемент может превосходно выразиться в душе и теле человека фальской расы. «Теллурический» элемент ассоциируется с физическими расовыми компонентами, происходящими из неарийских или доарийских ответвлений, таких, например, как африканский средиземноморский тип и, частично, семитский элемент (ориенталоид).

Поле для исследований в этой области широкое и практически непаханое, сами исследования представляют неоспоримый интерес, особенно с точки зрения новых поколений. То, что удалось сделать до сих пор, может служить основой для дальней-

шего развития, что позволит выработать действительно полное и тотальное расовое сознание.

12. РАСА И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Значение, которое имеет для нашей доктрины изучение исторических корней народов и, следовательно, доисторическая наука, видно с особенной ясностью в исследованиях, связанных с расизмом «третьей степени». Однако необходимо внести в эту дисциплину некоторые революционные критерии и решительно выбросить за борт ряд предрассудков, характерных для «чисто научного», сциентистского и позитивистского менталитета, которые с благословения уже отжившей свой век исторической школы еще сохраняются довольно широко в системе общего образования. Приведем только два примера.

Прежде всего, следует преодолеть эволюционистский предрассудок, согласно которому в прямом соответствии с принципами «прогресса» и «исторического подхода», мир глубинных корней, доисторический мир представлялся как темный и дикий, в котором человечество из полуживотного состояния понемногу, с большим трудом достигло «цивилизованной» стадии и смогло обрести культуру. Расизм, напротив, утверждает, что уже, в доисторическую эпоху существовали народы, которые помимо расовой чистоты, которую они потом потеряли, обладали глубоким пониманием духовного мира. Конечно, они не были «цивилизованными» в современном понимании (в свете развития экспериментального познания техники, юридической и политической системы и т.д.), но они обладали чертами характера и духовным видением мира, которые происходили из реальных контактов с сверхчеловеческими силами природы; видением не «придуманным», а пережитым, конкретизированным посредством традиций и выраженным и развитым посредством символов, святынь и мифов.

В этой связи необходимо также перейти новые границы исследований доисторической эпохи: современные расовые гипотезы о происхождении человека переносят нас примерно в 10000 год до н.э., в то время как еще недавно было трудно назвать какие-либо цивилизации, которые существовали 2 или 3 тысячи лет до н.э. Что же касается общей проблемы так называемого «происхождения человека», необходимо занять решительную антидарвинистскую позицию. Родословная человечества, к которой принадлежат высшие расы (как древние, так и современные), ведется не от обезьяны и не от человека-обезьяны ледникового периода (мюнстерский человек, или неандерталец, и человек Гримальди), и этот факт все более признают специалисты – не разделяющие расовую теорию. Обезьяноподобный человек соответствует некой человеческой ветви всего лишь из-за тех элементов, которые были привнесены из других, высших человеческих рас (эти элементы появляются позднее, чем он, в связи с чем возникает иллюзия, будто они развились в процессе эволюции), по той простой причине, что он появляется на тех же территориях позже, придя из регионов, потерпевших значительные разрушения или опустошенных катаклизмами и климатическими изменениями.

Совершенно необходимо понять значение этой смены перспективы в отношении расовых концепций: высшее не происходит из низшего. В тайне нашей крови, в самых глубинах нашей эры сохраняется неизгладимым наследие древних времен; но речь идет не о наследии жестокости, необузданных, диких животных инстинктов, как утверждает психоанализ и как можно логически предположить, если встать на позиции эволюционизма и дарвинизма. Это наследие первородства, наследие, которое идет из глубины веков, напротив, является наследием света. Сила атавизма как выражение низших инстинктов не входит в это фундаментальное наследие. Она происходит и развивается в соответствии с процессом деградации, инволюции или падения (память об этом сохраняется в виде различных мифов в традициях почти всех народов) и в ее основе – загрязнение, гибридизация, вызванная привнесением инородных элементов. Это голос другой крови, другой расы, другой природы, которую

можно назвать человеческой лишь с большой натяжкой. Как бы там ни было, когда мы повторяем выражение Платона «в моей груди борются две души», надо анализировать его в свете того, что мы только что сказали, чтобы понять его истинный смысл. В эволюционистский и дарвинистский миф может верить только тот, в ком говорит другая наследственность (внедренная посредством гибридизации), поскольку она уже утвердилась и окрепла в нем настолько, что подавила присутствие первоначальной расы.

Другой предрассудок, против которого борется расизм, заключается в выражении «Ex Oriente lux» («Свет с Востока»). У многих людей сегодня еще сохраняется представление о том, что наиболее древние цивилизации родились в восточно-средиземноморском бассейне или в Западной Азии и будто из них, а затем из еврейской религии Запад получил свет, будто Запад еще долгое время после этого, особенно его северные районы, оставался в диком и варварском состоянии. Расизм полностью изменил это представление. В азиатских цивилизациях нет ничего изначального и еще меньше чистого. Истоки наиболее высокоразвитой цивилизации, характерной для белых рас и, в общем, для индоевропейских народов, находятся не на Востоке, а на Западе и Северо-Западе. Так что, как мы уже сказали, в этом смысле у них общие доисторические корни, которые еще вчера можно было считать фантастическими. В сравнении с великолепием северо-западной и арийской предыстории, восточно-азиатские цивилизации предстают сумеречными и гибридными, как в духовном, так и в этническом плане. То, что в них скрыто действительно великого и просветленного, восходит в действительности к начальному цивилизаторскому действию ядра, принадлежавшего к господствующим северо-западным расам.

13. МИГРАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РАС

«Свет Севера», «гиперборейская мистерия» – таков центральный мотив нашей расовой доктрины, что может показаться парадоксальным, если не подозрительным и даже клеветническим в отношении наших собственных традиций, считающихся средиземноморскими. Надо дать некоторые пояснения.

Прежде всего, когда мы говорим о Севере, мы не имеем в виду германский регион. Колыбелью арийской расы в давнюю доисторическую эпоху, о которой мы говорили, являлся, напротив, регион, который сегодня соответствует Арктике.

Позднее в доисторический период центр иррадиации, очевидно, сместился в северо-западный регион. В других работах мы указывали ссылки, которые подтверждают данный тезис (он, кстати, соответствует воспоминаниям и традиционным познаниям, которые совпадают во всех цивилизациях). Даже с позитивной, географической точки зрения можно допустить, что Арктика (или, если хотите, Гиперборея) превратилась в необитаемый регион, покрытый вечными льдами, постепенно, начиная с определенного времени. Что касается второй расы (северо-западной), похоже, что она исчезла после водного катаклизма.

Обеспокоенность в связи с тезисом о нордическо-арийской расе необоснованна. Поддержка этого тезиса вовсе не означает солидарность с пангерманским мифом, который, сделав синонимами понятия «нордический», «германский», «арийский» и «немецкий», утверждает сегодня, будто все высшее, что есть в различных нациях и цивилизациях нашего континента, происходит из германских элементов, в то время как все, что не связано с ними, является, очевидно, низшим и подчиненным.

Именно для того, чтобы развеять этот вид заблуждений, связанных с исконной арийской расой, мы обычно употребляем термин «гиперборейская», употреблявшийся в Греции в эпоху, когда о германцах ничего не было известно. Как бы там ни было, надо подчеркнуть, что, вне всякого сомнения, термины «арийский», «нордический арийский», «нордический западный» и т.д. никогда не означают в рамках серьезной

расовой доктрины «немецкий» или «германский». Эти термины обозначают гораздо более широкую реальность. Они относятся к общему дереву, в котором германские народы так называемого «периода вторжений» являются лишь одним из многочисленных ответвлений, в то время как самые крупные расы – создатели цивилизации как на Востоке, так и на Западе (бывшая Персия, древняя Индия, так же как древняя Эллада или сам Рим) законно могут носить название «гиперборейских». Среди всех этих рас могут существовать отношения кровного родства, но ни в коем случае не производности (происхождения одной из другой). О производности можно говорить только в смысле их происхождения из этого общего гиперборейского дерева, о котором мы говорили ранее и которое восходит к такой глубокой древности, что абсурдно пытаться проследить до тех времен родословную какого-либо одного исторического народа.

Экспансия нордических арийских рас шла в двух основных направлениях. Одно – горизонтальное (начиная с Запада и через Средиземное море, Балеарские острова, Пиренеи, Крит и Египет), другое – поперечное (северо-западное и юго-восточное направление, от Ирландии до Индии, с центрами, расположенными в регионе Дуная и Кавказа, который вовсе не будучи, как представлялось раньше, «колыбелью» белой расы, был местом экспансии на пути миграции одного из нордических арийских потоков). Что касается миграции собственно германских народов, то они, по сравнению с вышеуказанными двумя направлениями, восходят к эпохе несравненно более поздней (несколько тысячелетий). Вдоль этой горизонтальной оси и частично на пересечении с поперечной осью на Евразийском континенте и родились самые великие цивилизации средиземноморского бассейна (те, что нам известны, поскольку от предшествующих цивилизаций не сохранилось ничего, кроме жалких остатков). По отношению к этим цивилизациям и этим совершенно новым доисторическим горизонтам, надо видеть в нордических германских народах периода завоеваний простых эпигонов (этносы, которые, исходя из общей семьи, были просто последними, появившимися на исторической сцене). Со всех точек зрения, ни в коем случае речь уже не шла о «чистых расах». Поскольку у них не было за плечами всего того прошлого, что имелось у других групп той же семьи, они не были подвержены опасности смешения, и с физической и биологической точки зрения были «в порядке». Их жизнь в регионах, в которых разобщающие условия, такие как окружающая среда, были очень суровыми, только укрепила процесс селекции. Таким образом, утвердились и окрепли такие склонности характера как упорство, изобретательность и смелость, в то время как отсутствие всякого контакта с внешними и городскими формами цивилизации позволило этим германским народам сохранить человеческие отношения, скрепленные воинской доблестью и чувством чести и верности.

По-другому дело обстояло в собственно духовной сфере этих потомков первоначальной нордическо-арийской расы. Эта духовная сфера подверглась определенной инволюции. Первоначальное метафизическое и «солнечное» содержание традиций стало затемненным. Традиции стали фрагментарными, ушли в фольклор, саги и народные суеверия. С другой стороны, в большей степени, чем память о корнях, в этих мифологизированных традициях стали преобладать трагические превратности судьбы, выпавшие на долю одного из центров гиперборейской цивилизации – цивилизации Асов или божественных героев Митгарда, откуда происходит хорошо известная тема «*ragnarök*», обычно переводимая как «сумерки богов».

Чтобы ориентироваться в нордическо-германских традициях народов периода завоеваний и чтобы понимать истинное значение основных символов и воспоминаний, содержащихся в них, необходимо искать ориентиры в глубоком изучении наиболее древних арийских традиций, в которых сохраняются в наиболее чистой и наиболее полной форме все эти познания; традиции, которые, повторим еще раз, не являются иерархическими, а отображают наиболее древние арийские цивилизации, такие как цивилизации Индии и Персии, Эллады и самого Рима. Некоторые немецкие расологи, например Гюнтер, безоговорочно это признают.

Общий подход к проблеме, которую мы здесь обсуждаем, не должен ни в коей мере порождать чувства неполноценности или подчинения с нашей стороны как итальянцев по отношению к исторически более поздним германским народам. Скорее наоборот: подобно тому, как лучшие элементы итальянского народа соответствуют с точки зрения «физической расы» производному от нордической расы типу, точно так же в наследии наших наиболее возвышенных традиций (они зачастую уходят корнями к первоначальным землям) можно встретить элементы, характерные для расы души (в смысле стиля жизни, этики, и т.д.). Этим лучшим элементам свойственно видение мира, общее для всех великих арийских и северо-арийских цивилизаций. Посредством тезиса о северо-арийских расах, который отстаивает наш расизм, мы оспариваем право любого народа, каким бы он ни был, присваивать себе и монополизировать благородство происхождения, которое является общим. Это означает, что поскольку мы являемся наследниками древней арийской римской цивилизации, а также римско-германской цивилизации, сменившей ее, постольку мы считаем себя (фактически и по духу, по призванию и по традиции) нордическими арийцами.

Такая позиция предполагает переход от теоретического расизма к активному и созидательному расизму. Задача состоит в том, чтобы из общего итальянского типа, дифференцированного сегодня, извлечь и закрепить, в существенной и четкой форме, тип – как физический, так и духовный – изначальной расы, которая присутствует сегодня в итальянском народе в такой же степени, как и в немецком народе (хотя эта раса и подавлена в обоих случаях грузом этнического разрушения со стороны инорасовых элементов, что приводит к биологической и культурной дегенерации).

Значение правильного понимания проблемы исторических корней для формирования воли и самосознания у итальянца нового типа очевидно. Из этого понимания рождается подлинная идея-сила, чувство достоинства и превосходства, которое не имеет ничего общего с высокомерием, и которое основывается не на путаных мифах, создаваемых с чисто политическими целями, а на вполне определенных традиционных познаниях.

14. ПРОБЛЕМА ЛАТИНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Однако нам могут возразить: «Все это хорошо, но как вписывается в эту систему идей концепция латинского самосознания? Разве происхождение нашего народа и вдохновение нашей цивилизации, как это признано во всем мире, не являются латинскими?» Миф о латинском самосознании все еще остается в силе во многих кругах, особенно в литературной и прочей интеллигентской среде, он все еще имеет широкое хождение в преподавании различных дисциплин в школах. В оправдание этого мифа настаивают прежде всего на противопоставлении, которое якобы существует между нашими народами и остальными, и, как следствие, на невозможности взаимопонимания, которое не диктовалось бы просто общими политическими интересами.

Так вот, здесь мы опять имеем дело с грубой ошибкой, порожденной пассивным применением общих фраз и формул, которые нуждаются в расшифровке. Что же все-таки подразумевается под выражением «латинское самосознание»? К какой области оно относится?

Мы не случайно подчеркивали, что «латинский миф» – это любимое дитя литераторов и интеллектуалов. Действительно, в нынешнем понимании термин «латинское самосознание» (также как и выражение «латинская цивилизация») имеет смысл, только если он используется в эстетическом, гуманитарном и литературном плане, то есть относится к миру искусства и культуры в самом широком значении этих терминов. Здесь «латинство» – более или менее синоним «римского» элемента; другими словами, речь идет об отражении, которое сохранили в культурном плане некоторые

народы, принадлежавшие в древности к Римской Империи, и о формирующей деятельности древнего Рима вплоть до принятия его языка – латыни.

Если, однако, взглянуть более глубоко на данную проблему, то можно быстро обнаружить, что это «латинское самосознание» – простое эхо древних греко-римских цивилизаций, нечто поверхностное. Можно даже сказать, что речь идет о косметике, с помощью которой безрезультатно пытаются скрыть различия – как этнические, так и духовные, которые, как свидетельствует история, могут быть даже антагонистическими. Как мы сказали, это единство существует только в мире литературы и искусства, по крайней мере, сообразно с типично «человеческой» концепцией, относящейся к миру, в отношении которого древний, героический и олимпийский Рим не скрывал своего презрения.

Филология – это еще одна область, где сохраняется это единство, хотя оно и ставится под сомнение с того момента, когда была неоспоримо установлена принадлежность латинского языка к общему дереву арийских и индогерманских языков. С другой стороны, остается фактом, что на уровне если не слов, то по крайней мере произношения и синтаксиса (особенно склонения) древний латинский язык ближе к немецкому, чем романские латинские языки. Так что, если отбросить бесполезные красоты, это «латинское самосознание» хвастливо показывает, что оно не соответствует никакой из действительно творческих и оригинальных форм, характерных для народов, призванных раскрыть себя. Речь идет просто о фасаде. Но это еще не все. Необходимо также пересмотреть раз и навсегда с расовой точки зрения значение классического «греко-римского» мира, из которого происходит так называемое «латинское самосознание», и в отношении которого «гуманисты» проповедуют почти суеверный культ.

Здесь не место рассматривать эту проблему: просто скажем, что этот «классицизм» является мифом того же уровня, что и миф о «философии Просвещения», которая хочет убедить нас будто только в результате «завоеваний» эпохи Возрождения и ее последствий, энциклопедизма и французской Революции родилась, после сумрака Средних Веков, «настоящая» цивилизация. В «классическом» мифе также заметен этот эстетствующий и рационалистический менталитет. Идет ли речь о Греции или Риме, то, что большинство людей считает «классическим», является на самом деле цивилизацией, которая в целом ряде аспектов (несмотря на свое внешнее великолепие, рассчитанное на соблазн «расы Афродиты») представляется нам декадентской. Речь идет о цивилизации, которая родилась, когда предшествующий цикл (героическая, священная, мужественная и собственно арийская цивилизация Эллады и Древнего Рима) начал движение вниз по кривой.

Напротив, необходимо указать, что, если говорить об этом первоначальном мире, созданном «солнечными» и «героическими» расами, термин «латинский» приобретает иное значение, которое ясно перечеркивает миф, который мы упоминали вначале. Здесь мы ограничимся упоминанием некоторых результатов исследований, которые ведутся сегодня по проблеме традиций доисторической и до-римской Италии. Первоначально слово «латин» («latino») обозначало этническую группу, чье расовое и духовное родство с группой северо-арийских народов не оспаривается никаким серьезным автором. «Латины» представляли собой ветвь этой расы, которая доходила до центральной Италии; они практиковали обряд кремации умерших, в отличие от оско-сабеллийской цивилизации, характеризовавшейся погребальным обрядом ингумации. Так вот, связь между цивилизациями, практиковавшими ингумацию, и цивилизациями средиземноморскими и азиатско-средиземноморскими (до-индоевропейскими и отличными от них) неоспорима. Эти «латины» заняли некоторые районы Италии гораздо раньше появления этрусков и первых кельтов.

Среди следов, оставленных словно огненный хвост метеоров расами, от которых произошли «латины», можно назвать недавние находки в долине Камоника. Что

очень важно, эти следы соответствуют доисторическим следам первоначальных арийских рас, как североатлантических (франко-кантабрийская цивилизация Кроманьон), так и северо-скандинавских (цивилизация Фосум). Мы встречаем в них те же символы «солнечной» духовности, тот же стиль, то же отсутствие следов деметрийской религиозности, которые, напротив, присутствуют в средиземноморских неарийских или пришедших в упадок арийских цивилизациях (пеласги, критяне, и т.д. и в Италии: этруски, цивилизация Мейелла и проч.).

Но это еще не все. Можно также констатировать родство между следами, найденными в долине Камоника, и дорийской цивилизацией, характеризующей расы, пришедшие с севера. Они обосновались в Греции и создали Спарту; им соответствует культ Аполлона, представлявшегося как гиперборейский солнечный бог. В действительности, как следует из трудов Альтгейма и Траутман, эта миграция народов (от которых произошли «патины» и завершение которой в Италии привело к основанию Рима) во всем напоминает дорийскую миграцию, породившую в Греции Спарту. Рим и Спарта являются, таким образом, проявлениями сходных физических и духовных рас, во всем родственных типичным северо-арийским расам.

Но когда создавались Рим и Спарта, речь шла о мире сил в чистом состоянии, об этнической группе без слабостей, о неоспоримо живом и полном господстве над собой. Такой мир едва ли найдешь в т.н. «классической цивилизации», пришедшей ему на смену и от которой якобы произошло, как хотели бы некоторые, «латинское самосознание» и «единство великой латинской семьи».

Если же, напротив, термин «латинский» употребляется в контексте истоков происхождения, можно констатировать полную трансформацию тезиса «латинского самосознания». Первоначально этот тезис (который соответствует тому истинно арийскому, что содержится в римском величии) относился к формам жизни и цивилизации, между которыми не было противоречия а, напротив, наблюдалось сходство с формами, позднее проявленными северогерманскими расами (чтобы противостоять приходящему в упадок миру, который был не только «латинским», но и «римским» и уже более или менее византийским).

15. РАСА, РИМСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИЯ

Как мы уже сказали, чтобы перейти в сфере расизма от теории к практике, одно из первых условий – это ясно понимать смысл человеческого идеала соответствующего наиболее выдающейся расе среди тех, что составляют данную нацию. Поскольку совокупность народа представляет собой расовую смесь, необходимо выработать четкую позицию в отношении различных его элементов: эта позиция должна быть как внутренней и индивидуальной, так и политической и коллективной. С этой точки зрения раса представляется по существу как объект выбора, объект решения.

Мы уже приводили слова Муссолини, который обозначил римский элемент как центральное ядро вечно живого «сердца» итальянской расы. Так что можно без обиняков сказать, что итальянское фашистское самосознание идентифицирует себя с римским самосознанием. Остается только раскрыть на основе четкого арийского расового сознания смысл такой формулировки.

К несчастью, римское самосознание часто сводится у нас к простой риторике, к выражению, имеющему слишком переменчивое содержание. Беда в том, что оно используется слишком часто, в то время как приходится констатировать отсутствие всякого серьезного изучения, направленного на то, чтобы придать «римскому самосознанию» подлинно живой смысл, который оставил бы далеко позади пыльные археологические, биологические и бесплодные исторические труды, выходящие из-под пера университетских профессоров – узких специалистов. По иронии судьбы, самый ценный вклад в действительно живое изучение «римского самосознания» принадле-

жит не итальянцам, а иностранцам: швейцарцу Бахофену, немцам В. Отто, Ф. Альтгейму и Гюнтеру, венгру Кесенфи, норвежцу Этрейну. К ним можно добавить Маккиоро, который, хотя и является гражданином Италии, тем не менее, происхождению «неариец».

Здесь мы скажем лишь, что выбор надо делать не только в отношении итальянских традиций, но также и традиций римских. Римское самосознание – понятие очень многогранное. Есть собственно арийское римское самосознание, которое характеризуется символами топора, орла, волка и т.д. (они являются в конечном итоге частью гиперборейского наследия), и есть составное римское самосознание, которое складывается из разнородных влияний – либо влияния до-арийских итальянских слоев, либо влияния выродившихся арийских цивилизаций. Что касается расового воспитания, представляется чрезвычайно важным установить такие расхождения, проявляющиеся в обычаях, культурах, обрядах и обусловленные даже самой структурой древнего Рима. Также очень важно понять смысл борьбы, в ходе которой на определенном этапе победил римский арийский элемент, освободившись таким образом от инородных влияний (в основном этрусских), либо адаптировав их согласно своему высшему идеалу цивилизации. Мы опять сталкиваемся с тайной историей, которая по большей части еще не описана. Если кто-то захочет получить более глубокие познания в этой области, то может найти необходимые сведения в нашей книге «Восстание против современного мира», в которой разрабатывается тема нордического римского самосознания; в работе Бахофена «Предания Танакила» и в других работах вышеуказанных авторов.

В имперскую эпоху арийское римское самосознание покачнулось. Если из азиатских провинций в него привносились элементы древней «солнечной» духовности (такие как митраизм, или «божественная» концепция царственности), которые придавали ему энергию, то поступали также и крайне вредные ферменты этнического и духовного распада, учитывая этнический, демографический и расовый упадок древней арийско-римской ветви. Для фашистской Италии, которая с недавних пор выполняет свою собственную имперскую миссию, расовые соображения по поводу судеб древней Римской Империи, а также имперского символа Средних Веков, особенно поучительны.

Величие Рима создано элитой (ее мужественный и арийский «стиль», а также изначальная эксклюзивность хорошо известны). Так вот, казалось бы логичным, если бы, по мере того, как Рим собирал под свое крыло все более сложную и разнообразную совокупность народов, это параллельно приводило бы к консолидации, защите и приумножению первоначального господствующего арийско-римского ядра. Однако происходит прямо противоположное: чем более расширяется древняя империя, тем более ослабляется «римская раса». Она безответственным образом открывается всяческим посторонним влияниям, а также подчиненным классам; поднимает этнически сомнительные элементы до высокого звания римских граждан; воспринимает культуры и обычаи, полная противоположность которых первоначальному римскому менталитету делала их, как указывал Тит Ливий, совершенно несовместимыми.

Со своей стороны, императоры зачастую создавали вокруг себя вакуум вместо того, чтобы опираться на элиту, окружать себя людьми, верными древнему римскому самосознанию и еще способными «проявлять твердость» как в расовом, так и этическом плане. Напротив, они сделали своим символом абсолютизм, ослепленные магической силой своей обожествленной, но ставшей абстрактной, изолированной и лишенной корней функции. Нелепо думать, что, опустившись так низко, Империя смогла бы продолжать сколько-нибудь длительное время навязывать свою волю различным расам, которые политически находились в ее орбите. Чистые случайности вместе с первыми серьезными столкновениями на границах не могли не вызвать разрушения этого огромного организма, лишившегося стового хребта.

Что касается Средних Веков, мы знаем, что Церковь прилагала усилия, чтобы возродить наднациональный символ Рима, добавляя идеалы католицизма к новой концепции идеи Империи, идеи *Sacrum Imperium* (Священной Империи). К сожалению, итальянский народ, так сказать, остался в стороне от разработки этого нового символа; вовсе не ставилась задача выявить в среде нашей расы элиту, которая с расовой и духовной точки зрения была бы на высоте такого символа. Напротив, возобладал средиземноморский компонент (склонный к анархизму, индивидуализму и обособленности, источник нескончаемых споров и противостояния), не говоря уже о падении общего уровня в этическом плане. Отсюда знаменитая фраза Барбароссы, который с презрением указывал на этих людей, похвалявшихся тем, что являются номинально римлянами. Следствием всего этого явилось то, что средневековая имперская функция, хотя и провозглашалась священной, в основном присваивалась представителями других рас, особенно германских, в которых лучше сохранилось определенное число качеств расы. В результате Италия играла лишь второстепенную роль в построении средневековой римско-германской имперской цивилизации.

Таковы два ярких примера опасности, с которой сталкивается всякое строительство или идея имперского типа, когда они не покоятся на прочной расовой основе. Что касается «выбора традиций», который заставляет сделать арийское расовое сознание в свете современной итальянской истории, необходимо привыкнуть к радикальным изменениям перспективы. Мы лишь отметим, что неуместно считать истинно нашей (в противоположность тому, чему учит так называемая «История Отечества» масонского толка) Италию общин (коммун). Последняя была направлена против имперской власти: это была не простая борьба против иностранного, а борьба между носителями двух противоположных типов цивилизации. Именно на стороне императора (и против коммун) выступала феодально-аристократическая цивилизация, сохраняя еще в значительной степени арийский и северо-арийский образ жизни. Новая Италия – это Италия «гибеллинов» и Данте, а не «гвельфов» и коммун.

Равным образом, даже не взирая на опасность прослыть еретиками, мы считаем, что надо воздерживаться от чрезмерного восхваления вклада Италии в гуманистическую цивилизацию и вообще в так называемое Возрождение. Несмотря на свое внешнее величие, эта гуманистическая и «афродистская» цивилизация литературы и искусства означала, прежде всего, снижение уровня и отказ от более глубокой и ценной традиции. Не считая индивидуалистической стороны, которая наблюдалась в «стиле», характерном для сеньоров, и в постоянной борьбе между городами и их *condotitelli*, именно в лоне этой цивилизации развивались зародыши, которые затем привели к «философии света» и другим явлениям, характерным для современного упадка. С другой стороны, претенциозная преемственность между древним классицизмом и гуманизмом основывается на одном коренном заблуждении: были воссозданы всего лишь наиболее внешние аспекты древнего мира (а не самые древние, собственно арийские, то есть героические, священные, традиционные).

Такой подход приводит и к необходимости пересмотра «итальянских» ценностей, в частности, в отношении *Risorgimento* (эпоха воссоединения Италии) и даже первой мировой войны. Несомненно и общепризнанно, что, оставляя за скобками чистоту намерений многочисленных патриотов, течения, которые играли главенствующую роль в *Risorgimento* относятся либо к франкмасонству, либо к французскому якобинству и, в общем плане, к идеологиям, которые, как например либерализм и либеральная демократия, являются в основном антирасистскими и антиарийскими. То же самое можно сказать и в отношении нашего вступления в войну в 1915 году: мы выбрали сторону для борьбы за национальные интересы, несомненно, под влиянием демократически-масонской идеологии союзников, которые приложили все усилия, чтобы покончить раз и навсегда с государствами, сохранявшими иерархически-аристократическую структуру вместе с расовым и традиционалистским чувством. Тем не менее, вступление в войну имело для нас также и смысл героического испытания:

оно позволило восстановить те силы, которые впоследствии, благодаря радикальным переменам, привели к возникновению фашистской и римской Италии.

То, о чем мы здесь говорили – есть лишь общие контуры темы, которую необходимо развивать в адекватной и обобщающей форме. Эта новая форма рассмотрения итальянской истории должна стать точным выражением нашего расового и арийского самосознания.

16. АРХЕТИП НАШЕЙ «ИДЕАЛЬНОЙ РАСЫ»

Каковы характеристики нашего архетипа? Внешне он выше среднего роста, у мужчин широкие плечи; конечности строго пропорциональны; он строен, энергичен, форма головы – долихоцефалическая (по крайней мере, у собственно нордического типа). Волосы темные; в отличие от некоторых средиземноморских менее чистых типов, волосы не кудрявые, а волнистые; губы тонкие, брови не густые. Нос тонкий и удлинённый, прямой или слегка орлиный. Нижняя челюсть довольно большая, хотя и менее выступающая, чем у нордического типа, она выражает активный тип, готовый к нападению.

Глаза могут быть карими, голубыми или серыми. В то время как у итало-средиземноморских типов менее благородного происхождения взгляд часто блуждающий, потухший или меланхоличный, у нашего прототипа он прямой и решительный (как говорят, «смотрит в лицо», прямо перед собой); взгляд пронизательный, не мигающий, совершенно отличный от косоного или полного злонамеренности взгляда средиземноморских типов, смешавшихся с ближневосточными элементами. Привычка жестикулировать (которая, как многие считают, характерна для итальянцев) ему не свойственна. Конечно, его жесты выразительны, но в них нет ничего импульсивного или беспорядочного; это жесты, которые не указывают на преобладание инстинктивной стороны его характера, а, напротив, являются продолжением сознательной мысли. Его способность реакции острее, чем у нордического типа того же происхождения, как и его динамизм (который, тем не менее, всегда остается спокойным и контролируемым, не имеющим ничего общего с лихорадочностью или вульгарным выражением избытка чувств).

Таковы, согласно некоторым расистским авторам, основные черты древнего римского типа северо-арийской расы: сознательная отвага, самообладание, четкие и скупые жесты, спокойная и продуманная решительность, чувство смелого принятия решений за других. Он ведет простой, «добродетельный» образ жизни (но не в обычном, избитом смысле этого слова, который придают ему моралисты, а в смысле бесстрашной мужественности и силы). Его характеризуют стойкость и настойчивость, то есть сила духа; мудрость, то есть способность к спокойному, глубокому размышлению; человечность и дисциплина, то есть строгий самоконтроль, он умеет ценить внутреннее богатство других; достоинство и внутреннее спокойствие, которые у аристократии достигают уровня величавой торжественности. Арийская верность также является по преимуществу римской добродетелью. Настолько римской, насколько такими были сами римляне: у них был вкус к четким, без выставления напоказ действиям; реализм, который, как справедливо отмечалось, не имел ничего общего с материализмом. Идеал ясности, который даже при снижении стандартов не опускается ниже рационализма – это эхо так называемого «латинского» менталитета, эхо, остающееся в этой сфере более верным первоначальной сущности, чем романтическая душа определенных типов людей, физически более «нордических».

В древнеримском арийском человеке набожность и религия имели мало общего с большинством последующих форм религиозности: это было чувство уважения и союза с божественными и, в более общем плане, сверхчувственными силами, в отношении которых он интуитивно чувствовал, что является составной частью их индивидуальной или коллективной жизни. Римский арийский тип всегда с подозрением отно-

силы к заброшенности души и путанному мистицизму, но также и отрицал всякое раболепие перед божественностью. Он чувствовал себя не одиноким, как индивид, растерзанный и запятнанный чувством греха и плоти, но цельным человеком (умиротворенная душа, способная предчувствовать направления, по которым сознательная и определяющая деятельность могла бы стать продолжением самой божественной воли).

Что касается мира и общества (*res publica*), древний арийский и римско-арийский человек представлял их как ценз (*census*), то есть как общность отличных друг от друга сущностей, объединенных не смешиванием, а высшим законом, как это происходило также с идеалом иерархии, в котором чувство личности и свободы примиряется с идеалом высшего единства. Ни либерализм, ни, следовательно, социализм или коллективизм: Каждому свое. Положение женщины в обществе – не очень низкое (как в некоторых азиатских обществах), не очень высокое (как в других обществах, в которых преобладают «лунные» и «деметрийские» расы). Тем не менее, существует определенная дистанция, как от женщины, так и от пристрастия к сексуальной сфере, и ясное утверждение отцовского права, мужского авторитета главы семьи или рода – почти «феодалного» чувства ответственности и верности Государству.

Таковы элементы, характерные для римского и арийско-римского «стиля» души и духа; тем не менее, речь идет о том, чтобы постепенно увидеть, как они органически соотносятся с физической формой высшего арийско-итальянского типа, описанного выше, чтобы воплотить эти элементы в живой идеал нашей «идеальной расы».

Чем больше такой тип будет становиться осязаемой реальностью, тем более будет расширяться особая коллективная духовная сфера. По мере того, как расовые типы становятся гибридными и, следовательно, внутри индивидов начинают действовать различные расовые компоненты, роль, которую играет среда, становится все более важной (не в смысле искусственного создания извне того, чего не существует, а в смысле создания благоприятных условий для проявления и преобладания одного или даже нескольких из этих компонентов). Представим себе цивилизацию, в которой господствуют концепции ближневосточного и антирасистского типа; неизбежно наступит час, когда даже среди народов, у которых преобладает арийская и нордическая кровь (за исключением случаев реакции, вызванных резким пробуждением), на поверхность поднимется и возобладает то, что (в каждом человеке и у каждого народа в общем плане) соответствует антирасе и накипи, оставленных низшей и загрязненной кровью. Равным образом, там, где тон всей цивилизации задали афродитизм, дионисизм или другой тип «расы духа», в силу закона, который гласит «подобное притягивается к подобному», можно будет констатировать несомненную эволюцию в расовом плане: соответствующая наследственность вновь станет «доминантной», в то время как, напротив, станет «рецессивной» и потеряет всякую потенцию также присутствующая наследственность арийской расы (например, «расы Солнца» и «расы Героев»).

Поэтому необходимо совершенно ясно понимать, что именно в среде, насыщенной духовными силами и героическими призваниями, создается климат, которого требует наша «идеальная раса», чтобы подняться и играть решающую роль в будущем нашей нации.

17. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ФАШИСТСКОГО РАСИЗМА

Чтобы придать высказанным здесь идеям действительно законченный вид, необходимо в заключение сказать несколько слов об «историческом поле» расизма.

Ценность любой действительно творческой и новаторской идеи зависит не от конъюнктурных обстоятельств, а происходит из того факта, что она прививается на общность беспорядочных исторических требований и организует ее положительным об-

разом и в строго определенном направлении. Следовательно, обладание чувством «исторического поля» какой-либо идеи – это необходимое условие для того, чтобы она могла полностью возыметь свое действие.

Что касается расизма, следует вкратце напомнить основные направления общей интерпретации истории, основанной на социальной разбивке на четыре части, характерной для всех древних цивилизаций традиционного типа, от цивилизаций восточно-арийского происхождения до средневековой Германо-Римской Империи.

Согласно этой четвертичной разбивке, на верху иерархии находятся духовные вожди; затем следует военная аристократия, которой подчиняется буржуазия; затем идет каста рабов (слуг).

Заслугой Рене Генона является то, что он показал, что смысл так называемого «прогресса» состоит не в чем ином, как в последовательном упадке власти и того типа цивилизации, который с ней связан; упадке, который распространяется от одного к другому из четырех каст, посредством которых определялась вышеуказанная иерархия. Эпоха, когда духовные вожди (в той или иной форме, например, священные короли) пользовались верховной властью, уходит корнями почти в доисторические времена. Затем власть опускается на один уровень, то есть переходит в руки военной аристократии; это приводит к циклу цивилизации, в которой короли, по существу, являются военными вождями. Такая картина наблюдалась еще вчера в Европе с ее различными традиционными династиями.

Революции (либеральные и демократические) приводят к новому падению уровня: действительная власть переходит в руки буржуазии в разнообразных формах плутократических олигархий со своими «королями» законности и порядка, нефти, золота, стали и т.д. И, наконец, социалистическая революция и коммунистическое движение, похоже становятся прелюдией заключительной стадии падения, поскольку диктатура пролетариата означает переход к современному эквиваленту последней из древних арийских каст: к касте шудр, бесформенным и материалистическим массам рабов (слуг). Эти концепции мы развивали в ряде наших работ.

Необходимо отметить, что вышеуказанная иерархия отнюдь не является плодом сложившихся обстоятельств, а, напротив, сформировалась по вполне определенным причинам «аналогичного» порядка. Это отражает сама дифференциация и само иерархическое построение, которые наблюдаются между частями нормального человеческого организма, так что по аналогии можно сказать, что государство – это «большой человек». В этом смысле духовные вожди соответствовали функциям, которые выполняет в человеческом организме дух, сверхъестественное ядро личности; буржуазия – процессам, характерным для органической экономики; рабы (слуги) – все то, что у человека обозначает детерминизм, присущий чистой телесности.

Из этой аналогии можно сделать один важный вывод: каждый человек имеет собственное лицо, качества и индивидуальность, которые связаны с двумя высшими принципами: духом и волей. Когда этих двух последних не хватает, наблюдается падение в индифферентизм и потеря личности. Верность вышеуказанной аналогии подтверждается тем фактом, что эпохи, ознаменовавшиеся приходом к власти двух последних каст, выказывают как раз те свойства, которые характерны для сил, аналогичных у человека. Когда власть принадлежит недуховным вождям и не аристократической элите, а узурпирована третьим сословием, плутократической олигархией и миром материалистических масс, меркнет всякое естественное чувство принадлежности к нации, крови, расе, касте. Как следствие, исчезает все то, чему различные человеческие общества обязаны своими качественными отличиями, своей личностью, своим достоинством. На смену им приходят космополитизм, интернационализм, коллективистская уравниловка, стандартизация. Все это происходит в соответствии с логикой необходимости, под знаком смешения рационализма и материализ-

ма. Так что в этих сумеречных типах цивилизации действительно можно представить, что экономика – это высший закон истории (Карл Маркс). Вместо «отживших свое» древних законов создается суеверная религия науки и техники, и вместе с коллективистским мифом наблюдается приход механистической примитивистской обскурантистски-иррационалистической и бездуховной цивилизации и культуры.

Даже в рамках этого краткого обзора по данной теме, вышеприведенного методического наброска достаточно, чтобы окончательно понять законность признания требований крови и расы в области расового образования. Фашизм и другие аналогичные политические движения утвердились как восстание и воля к возрождению погрузившейся в сумерки западной цивилизации. Они призваны возвысить ценность и принципы, относящиеся к первым двум функциям вышеуказанной четырехфункциональной системы.

Отсюда логично следует необходимость не только объединения фашистских сил против интернационализма и космополитизма, но и появления на первом плане идей, абсолютно не подверженных воздействию ничего механистического, детерминистского, не важно, идет ли речь о чисто материальной сфере экономики или о рационалистическом мифе. Эти ценности не могут быть ничем иным, кроме как ценностями крови и расы, человеческих групп, четко дифференцированных по глубинным силам происхождения, силам, которые преобладают и утверждаются, особенно те, что отвергают чистый экономический детерминизм, массовый материализм, буржуазную культуру и индивидуалистский распад. Именно из этих сил происходят «качества расы», которые, как мы видели, всегда подразумевают нечто аристократическое и в то же время переходят узкие границы индивида. Эти качества невозможно воспитать в себе, ими невозможно поменяться с другими, эти качества соединены с достоинством и традицией.

Всего этого вполне достаточно в качестве первого приближения к «историческому полю» расовой доктрины и к значению, которое оно имеет для фашизма. Мы можем сделать вывод, что это является осью, вокруг которой можно внутренне развивать эту доктрину.

Там, где фашизм занял четкую позицию (как против мира коллективизированных и механизированных масс, так и против рационализма, вытекающего из «философии света», против буржуазной цивилизации в общем и плутократии в частности), формы, соответствующие двум последним фазам европейского упадка (то есть низшим кастам древней арийской иерархии: касте рабов и касте торговцев, шудр и вайшья, третьему и четвертому сословиям) в принципе были преодолены. Но необходимо идти дальше, то есть прилагать усилия с тем, чтобы в этой зарождающейся цивилизации снова стали определяющими ценности, образ жизни, мышления и чувствования, характерные для двух первых каст – военной аристократии и высшей духовной власти.

В соответствии с этим необходимо развивать фашистскую доктрину в двух направлениях и, следовательно, представлять ее себе как нечто целое, что мы постарались обосновать на предыдущих страницах. Выше всего стоит раса; помимо ее биологического и антропологического аспекта, раса все более явно приобретает также и героическую и аристократическую значимость. Общность крови или расы будет основной предпосылкой. Но внутри такой общности процесс адекватного выбора установит последующую иерархию, на основе которой может родиться нечто подобное новой аристократии: группа, которая (не только в физическом плане, но также и в плане героической души, стиля, характеризующегося честью и верностью) выявит «чистую» расу, то есть подлинную или идеальную расу.

Перед нами открывается, таким образом, широкое и плодородное поле для синтеза между расовыми принципами и лейтмотивами фашистской «мистики» и этики, кото-

рые позволяют оставаться верными всему лучшему, что есть в наших традициях, а также предотвратить определенные коллективистские и социалистические «виражи», отмечаемые в других странах на базе неправильного использования расизма. Расизм второй степени (или расизм рас души) стремится, со своей стороны, четко определить основные силовые линии действия в этом смысле.

Для последней фазы реконструкции, то есть для проблемы определения духовных вождей, наилучшие ориентиры можно будет найти именно в «арийском мифе», понимая под этим глубинные исторические корни. К сожалению, приходится констатировать, что в определенной мере «арийский» имеет почти то же значение, что и «антисемитский», и что даже в области законодательства это слово всего лишь указывает на то, чем нельзя быть: если кого-то считают арийцем, то он не иудейских кровей или не цветной – и все, больше ничего. Необходимо реагировать на превращение этой концепции в простую банальность. В своем полном смысле термин «арийский» должен означать для новых поколений, а также для воспитателей этого поколения, «расу духа» или, точнее, расу «солнечного» или «героического» типа в том смысле, который мы дали этому термину.

На этом пути фашистский расизм приведет к окончательной ликвидации всякого подозрения в «материализме» или «зоологизме», в которых его иногда обвиняют. Напротив, он отнюдь не исключает над-мировую и над-временную реальность, и именно в этой сфере он обретет свое естественное наивысшее завершение и претворит в жизнь, опираясь на вполне определенные, исконные, глубоко укоренившиеся традиции, наше фашистское стремление придать Революции «религиозную» значимость, вызвав вызвать подлинное возрождение в сфере высших ценностей.

АРИЙСКАЯ ДОКТРИНА БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

Согласно принятой концепции критики Западной цивилизации, характерными чертами Заката Европы являются: а) патологическое развитие всего, что является действием и б) обесценивание таких категорий, как внутреннее самопознание и созерцание.

Эта критика не подразумевает под познанием рационализм, интеллектуализм или иное пустословие, не понимает под созерцанием бегство от мира, отречение от него или неправильно понятое монашеское уединение. Напротив, внутреннее познание и созерцание предстают здесь, как наиболее естественные и подходящие человеку формы причастности к сверхприродной, сверхчеловеческой и сверхрациональной реальности. И, несмотря на это пояснение, в основе вышеописанной концепции содержится неприемлемая для нас установка. А именно: априори предполагается, что всякое действие в материальном мире неполноценно, и что высший, духовный мир достигается иными, не связанными с действием, средствами.

В этой идее легко прослеживается влияние определенной жизненной установки, полностью чуждой духу арийской расы, но которая, без сомнения, уже настолько прочно укоренилась в мышлении христианского Запада, что в той же форме прослеживается в имперской концепции Данте. Древние арии не противопоставляли действие созерцанию, это были лишь разные определения акта духовной реализации. Иначе говоря, они полагали, что человек способен преодолеть свою личную условность не только созерцанием, но и действием.

Если мы отвлечемся от этой идеи, станет понятно, что характер прогрессирующего упадка западной цивилизации необходимо интерпретировать иначе. Традиция действия характерна для арийцев Запада, но она быстро приходит в упадок. Теперь здесь признается и пользуется уважением исключительно секуляризованное и материализованное действие, отчужденное от любых форм взаимодействия с трансцен-

дентным – профаническое действие, которое роковым образом должно выродиться в лихорадочную одержимость действием ради действия, то есть действие, привязанное исключительно к обстоятельствам текущего момента. Такому выродившемуся действию в современном мире уже не соответствуют аскетические и подлинно созерцательные ценности, но лишь некая неопределенная культура и бесцветная, общепринятая вера. Такова наша точка зрения на ситуацию, сложившуюся сегодня на Западе.

В том случае, если «возврат к истокам» является основной идеей всего нынешнего движения обновления, то в качестве важнейшей задачи надо рассматривать сознательное возвращение к осознанию изначальной арийской концепции действия. Эта концепция должна оказать преобразующее воздействие и пробудить дремлющие жизненные силы в новом человеке благородной расы. Мы хотели бы здесь совершить небольшой аргументированный экскурс в духовный мир изначального арийского мира с целью вновь извлечь на свет некоторые фундаментальные элементы нашей общей Традиции, уделив особое внимание арийскому пониманию войны, борьбы и победы.

Естественно, что для древнего арийского воина война как таковая означала вечное сражение между метафизическими силами. С одной стороны – светлое олимпийское начало, солнечная и ураническая реальность, с другой – жестокое насилие титано-теллурического начала, варварского в классическом смысле этого слова и женственно-демонического. Находя свое выражение в тысячах образов, тема этого метафизического противостояния присутствует во всех традициях арийского мира. Всякое сражение на материальном уровне рассматривалось, в той или иной степени, как отражение этого высшего противостояния. И поскольку арийцы считали себя войском олимпийского начала, сегодня необходимо вновь стать на путь древних ариев, и с этой позиции рассматривать не только право ариев на власть как в высшей степени законное, но и саму имперскую концепцию, чья духовная суть очевидна. Согласно представлениям этого традиционного мира, вся реальность становилась символом. Это справедливо и для войны, рассматриваемой с субъективной и внутренней точки зрения. Таким образом, война и путь к божественному могут стать едины.

Важнейшие свидетельства, оставленные различными нордическими традициями, всем нам хорошо известны. Тем не менее, следует отметить, что эти традиции в том виде, в котором они до нас дошли, фрагментарны и смешанны. Слишком часто они представляют собой самые высокие арийские изначальные традиции, низведенные до народных суеверий. Но это не помешает нам выделить некоторые важные моменты.

Прежде всего, как всем нам известно, «Валгалла» является столицей небесного бессмертия, предназначенной в первую очередь для героев, павших на поле боя. Владыка этих мест, Один-Вотан, представлен в «Саге об Инглингах» как тот, кто своей символической жертвой на космическом древе Иггдрасиль указал воинам путь, ведущий к божественным чертогам, обители вечной жизни. В соответствии с этой традицией, фактически ни один ритуал или жертвоприношение не были столь любезны Высшему Божеству, ни одно усилие не давало более сладостных неземных плодов, как жертва собственной жизни на поле боя. Более того, за темной символикой «Дикой орды» также сокрыт следующий фундаментальный смысл: посредством воинов, которые, погибая, приносят жертву Одину, создаются те самые обряды, что понадобятся Богу в последней решающей битве Рагнарек, или в битве против фатальных «сумерек Богов», угрожающих миру с древнейших времен. Здесь явно прослеживается подлинно арийский мотив метафизической борьбы. В «Эдде» сказано буквально следующее: «Великое множество там [в Валгалле] народу, а будет и того больше, хоть и этого покажется мало, когда придет Волк». Волк выступает здесь образом темных и диких сил, которые мир Асов сумел подчинить.

Арио-иранская концепция Митры, «воина, который никогда не спит», является, по сути, выражением той же самой традиции. Митра – это тот, кто во главе Фраваши и своих верных соратников бьется против врагов арийского Бога Света. Чуть позже мы еще вернемся к Фраваши и выявим их прямую взаимосвязь с Валькириями нордической традиции. С другой стороны, мы попытаемся также раскрыть смысл «священной войны» путем сопоставления с другими традициями.

Не стоит удивляться, если в этой связи мы обратимся к исламской традиции. Исламская традиция заняла место традиции арио-иранской. Концепция «священной войны» и, по меньшей мере, в том, что касается исследуемых здесь идей, пришла к арабским племенам из мира иранской мысли. Таким образом, в исламской традиции присутствует элемент некоего позднейшего возрождения изначальной арийской традиции, и с этой точки зрения она, несомненно, может быть нами использована.

Предполагается, что в этой традиции различают, по сути, две «священные войны», а именно – «великую» и «малую». Такое различие базируется на словах Пророка, который по возвращении из военного похода сказал: «Мы вернулись с малой священной войны на великую священную войну». В данном контексте великая священная война имеет духовный статус. Малая же священная война, напротив, является борьбой физической, материальной – войной, проходящей в этом мире. Великая священная война («джихад») – это борьба человека со своими внутренними врагами, с тем, что находится в нем самом. Точнее, это борьба сверхчеловеческого элемента в человеке со всем инстинктивным, привязанным к страстям, хаотичным, подчиненным силам природы. Точно такая же идея присутствует в «Бхагавад-Гите», этом великом древнем трактате арийской воинской мудрости: «Познав то, что выше разума, покрыв низшее «я» высшим «Я», порази, о Могучерукий, трудно-победимого врага в образе вожделения». Обязательным условием для внутреннего освобождения является полное и окончательное уничтожение противника.

В контексте героической традиции такая малая священная война, то есть война как внешняя борьба, служит исключительно средством для реализации войны великой. По этой причине, в текстах выражения «священная война» и «путь к Богу» зачастую являются синонимами. К примеру, в «Коране» читаем: «Пусть же сражаются на пути Аллаха», – т.е. на Священной Войне, – «те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду». И далее: «А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний: Он поведет их и сохранит в порядке их состояние и возведет их в рай, который Он дал им узнать». Здесь присутствует аллюзия на физическую смерть на поле боя, на «победоносную смерть», что находит свое точное соответствие во всех классических традициях. Та же самая доктрина также может быть истолкована в символическом смысле. Тот, кто на «малой войне» переживает «великую священную войну» рождает в себе силу, которая готовит его к преодолению кризиса смерти. Но точно так же, не умирая физически, возможно посредством аскезы Действия и Сражения, пережить опыт смерти, одержать внутреннюю победу и обрести «больше, чем просто жизнь». В эзотерическом толковании «Рай», «Царствие Небесное» и сходные выражения являются не более чем символами и формулировками, придуманными для простых людей, чтобы описать состояния трансцендентного просветления на более высоком, чем жизнь и смерть уровне.

Этими соображениями стоит руководствоваться как предпосылкой, чтобы вновь обрести идеи, скрытые за внешним аспектом Христианства. Эти идеи северо-западной героической традиции были вновь обретены во времена Крестовых Походов. В средневековых Крестовых Походах за Освобождение Храма и Завоевание Святой Земли в большей степени, чем это обычно предполагают, присутствовали явные точки соприкосновения с нордической традицией, в которой упоминается о мифическом Асгарде, далекой земле Асов и Героев, куда не торопится смерть и чьи обитатели обладают бессмертием и сверхчеловеческим покоем. Священная война предстает как война

полностью духовная, вплоть до того, что она может быть уподоблена пророчествам об «очищении огнем, подобным огню чистилища, перед смертью». «Есть ли большая слава, чем выйти из боя увенчанным лаврами? И великая слава завоевать венец бессмертия на поле боя!» – убеждает тамплиеров Бернар Клервосский.

Понятие «абсолютной славы», которая согласно теологам присуща Богу на высочайшем из небес, также восходит к Крестовым Походам. Именно поэтому Святой Иерусалим предстает в своей двойственности: как град дольний и горный, а Крестовый Поход рассматривается как великое восхождение, ведущее прямо к бессмертию.

Различные военные превратности судьбы в Крестовых Походах сначала вызвали удивление, смущение и даже кризис веры, но, в конце концов, произвели благотворный эффект на идею Священной Войны, очистив ее от всего материалистического. Без сомнения, неудачу в Крестовом Походе можно сравнить с добродетелью, которую преследует злой рок. Ценность этой неудачи могла быть понята и оценена по достоинству исключительно в ее связи с неземным путем. Таким образом, формировалось (по ту сторону победы или поражения) суждение о ценности духовного аспекта действия. Приходило понимание того, что Священная Война имеет ценность сама по себе, вне зависимости от своего зримого материального исхода, как средство для достижения сверхчеловеческой реализации путем действительного принесения в жертву человеческого элемента.

Именно эта идея, возведенная до метафизического уровня, вновь встречается нам в уже упоминавшемся известном индоарийском тексте – в «Бха-гавад-Гите». Жалость и человеческие чувства, которые мешают воину Арджуне вступить в схватку с противником, расцениваются Богом как «непонятные, недостойные ария... ведущие не к небесам, а к бесчестию». В наставлении воину говорится: «Или тебя убьют, и ты попадешь на небеса, или, победив, ты насладишься земным царством. Поэтому встань, о сын Кунти, и решайся на битву». Внутреннее состояние, которое способно преобразить малую священную войну в великую, должно быть следующим: «...Полностью отдавшись действию», – утверждает Бог, – «сосредоточив сознание на истинном «Я», освободившись от желаний, эгоизма и беспокойств, сражайся». В таких недвусмысленных выражениях утверждается чистота действия, которое должно быть желанным само по себе, выше всех человеческих страстей и стремлений: «Считай, что на карту поставлены страдания, богатство или нищета, победа или поражение. Поэтому подготовься к сражению; так ты избежешь греха».

В качестве дополнительного метафизического обоснования, Бог объясняет различие между непреходящей абсолютной духовностью и иллюзорным существованием, включающим в себя телесное и человеческое. С одной стороны – метафизическая ирреальность того, что можно утратить (например, брэнное тело земную жизнь, которые преходящи), и осознание того, что потеря может стать обретением. С другой стороны – Арджуна, проходя через подобный опыт проявления мощи божественного начала, вплотную приближается к осознанию неодолимой силы трансцендентного. Перед величием этой силы всякая обусловленная форма бытия предстает отрицанием. Там, где это отрицание отсутствует, там, где такая обусловленная форма бытия разрушена или вывернута наизнанку, эта сила проявляется особенно ярко.

Обрести необходимую для героического преобразования личности энергию можно, поступая соответствующим образом: когда воин действует сообразно описанным выше чистоте и духу абсолюта, разрывая цепи человеческого, призывает Божественное как метафизическую силу, он принимает активную силу в себя и обретает в ней исполнение своей мечты и освобождение. Яркое сравнение мы находим в другом тексте, относящемся к той же традиции: «Жизнь как лук, душа как стрела, абсолютный дух как цель, которую должна поразить стрела. Соединитесь с этим великим духом, подобно стреле, вонзающейся в цель».

Если мы сумеем увидеть здесь высочайшую форму духовной реализации через борьбу и героизм, тогда действительно становится важным, что это знание представлено в «Бхагавад-Гите» продолжением изначального солнечного арийского наследия. В самом деле, оно было передано «Солнцем» первому законодателю ариев Ману, и затем хранилось длинной чередой царей-посвященных. За многие века эти знания были утрачены, однако Божественное вновь открыло их, но не набожному жрецу, а представителю воинской знати – Арджуне.

Все, что мы рассматривали здесь до сих пор, также позволяет понять глубокий внутрененный смысл, лежащий в основе всех классических нордических традиций. Следует отметить, что в этих древних традициях с поразительным постоянством повторяются определенные символические образы: прежде всего, образ души, как образ демона, двойника и духа, а также образы дионисийских присутствий, богини смерти и богини победы, которая часто представляется в виде богини битвы.

Чтобы яснее понять взаимосвязь между всеми этими сущностями, необходимо рассмотреть значения, которые обретает душа, будучи представлена в виде демона, духа или двойника. Люди древности символизировали посредством образа демона или своего двойника глубинную силу, которая является, так сказать, «жизнью жизни», поскольку управляет всеми процессами, как телесными, так и духовными, недоступными обычному сознанию, но которые, тем не менее, несомненно, определяют бытие и судьбу индивидуума. Существует тесная связь между этими сущностями и мистическими «силами расы и крови. Так, например, демон имеет во многих отношениях сходство с богами домашнего очага, мистическими сущностями рода или племени, о которых Макробий писал: «Это боги, которые поддерживают в нас жизнь. Они питают наше тело и направляют душу». Таким образом, можно сказать, что между демоном и обыденным сознанием существует связь того же рода, что и между началом индивидуализирующим и началом индивидуализированным. Индивидуализирующее начало, согласно учениям древних, выступает как сверхиндивидуальная сила и, следовательно, стоит выше рождения и смерти. Индивидуализированное начало – это сознание, обусловленное телом и внешним миром, уделом которого обычно является либо исчезновение, либо существование весьма эфемерное, свойственное миру теней.

Примерно то же значение, что и образ демона, в нордической традиции имеет образ Валькирий. Этот образ во многих текстах сливается с образом фильгии, или активной духовной сущности в человеке, обладающей способностью влиять на его судьбу. Подобно кинфильгии, валькирия (как и римские боги очага) – есть мистическая сила крови. То же относится и к фраваше арио-иранской традиции. Фраваша, как пишет один известный ориенталист, «это внутренняя сила каждого человека, которая поддерживает его с момента рождения и на протяжении всей жизни». Наподобие римских богов очага, фраваша находится в контакте с изначальными силами расы и, в то же время, являются, как и валькирии, основными богинями войны, дарующими удачу и победу.

Итак, что же общего между этой таинственной силой, которая представляет глубинную душу расы и трансцендентную сущность человека, и богинями войны – вот тот вопрос, который нам предстоит обсудить и понять? Чтобы лучше уяснить этот момент, надо вспомнить, что у древних индоарийцев существовало представление о личном бессмертии, имеющем, так сказать, аристократическую, дифференцированную природу. Не все смогут избежать исчезновения, этого лемурического полусуществования, древними символическими образами которого были Гадес и Нифельхейм. Бессмертие – привилегия немногих, и, по представлениям ариев, оно уготовано в первую очередь героям. Бессмертие – и не в качестве тени, а в качестве обожения – удел только тех, кто своими деяниями на духовном поприще смог подняться с одного природного уровня до следующего. Здесь я, к сожалению, не могу привести доказательства в пользу следующего моего утверждения: фактически, подобные действия

духа приводят к трансформации индивидуального «Я» нормального человеческого сознания в глубинную сверхчеловеческую, индивидуализирующую силу, которая находится по ту сторону рождения и смерти и которой, как уже отмечалось, соответствует понятие «демон».

Но все же демон находится далеко за пределами всех конечных форм, в которых проявляется. И не только потому, что представляет собой изначальную силу всей расы, но также из-за интенсивности своего проявления. Резкий переход от обычного сознания к силе, символизируемой демоном, приводит в конечном итоге к разрушительному кризису, схожему с ударом молнии и вызываемому слишком высоким для человека напряжением. Таким образом, можно предположить, что в исключительных условиях демон также может проявиться в индивидууме и заставить его пережить некое подобие опыта деструктивного трансцендентного перехода: в этом случае будет иметь место нечто подобное активному опыту смерти. Второе соответствие здесь проявляется особенно четко: образ двойника или демона из мифов древности сливается с божеством смерти. В древней нордической традиции воин видит свою собственную валькирию непосредственно в момент смерти или смертельной опасности.

Пойдем дальше. В религиозной аскезе умерщвление плоти, отказ от своего «я», напряженное ощущение своей незащитности перед Богом – основные средства, с помощью которых пытаются вызвать вышеуказанный кризис и успешно преодолеть его. Всем известны такие выражения, как «мистическая смерть» или «темная ночь души» и т. п., обозначающие подобное состояние. С другой стороны, в рамках героической традиции путь к той же цели представлен активным напряжением, дионисийским высвобождением элемента действия.

Возьмем, к примеру, на более низком уровне соответствующий феноменологии танец, который используется как священная техника пробуждения глубинных сил через экстаз души. В жизнь индивида, освобожденного дионисийским ритмом, подобно прорастающему основному жизненному корню, вторгается жизнь иная. Эту силу представляют символические понятия: «дикая орда», эринии, фурии и прочие сходные духовные сущности. Все они соответствуют проявлению демона в его ужасающей и активной трансцендентности. На более высоком уровне находятся боевые и спортивные игры, а еще выше – сама война. Таким образом, мы опять возвращаемся к изначальной арийской концепции и воинской аскезе.

На пике опасности в героическом сражении признается возможность проживания такого сверх-нормального опыта. Так что латинский термин *ludere* – играть роль, бороться – очевидно, содержит идею освобождения. Это один из многочисленных намеков на определенное свойство сражения – разрыв с ограниченностью личности, высвобождение сил, спрятанных в глубине. Здесь можно усмотреть основополагающий принцип третьей взаимосвязи: демоны, боги очага, как индивидуализирующее «Я», идентичны не только фуриям, эриниям и другим свободным дионисийским сущностям, которые, со своей стороны, имеют много общих черт с жаждой смерти; они имеют также схожее значение в связи с девами, которые в сражении ведут героев в атаку, с Валькириями и Фраваши. Например, Фраваши описываются в священных текстах как «ужасные, всесильные», «те, кто прислушиваются и даруют победу тем, кто их призывает», или, говоря точнее – тому, кто их вызывает из глубины самого себя. Отсюда недалеко до последней аналогии. Те же самые воинственные сущности арийской традиции получают, в конечном счете, статус богинь войны; такая метаморфоза указывает на счастливое завершение переживания внутреннего опыта. Демон, или двойник олицетворяет глубокую сверхиндивидуальную мощь в своем скрытом по отношению к обычному сознанию состоянии. Таким образом, фурии и эринии олицетворяют освобождение из цепей и демоническое вторжение, а богини смерти – валькирии, фраваши и проч. связаны с теми же ситуациями, возможными в ходе героического сражения.

Точно также богиня победы является выражением триумфа «Я» над этими силами, победоносное стремление преодолеть опасность, таящуюся в экстазе и надличностных формах разрушения, опасность, всегда скрытую за яростным моментом великого дионисийского действия, а также действия героического. Это импульс к поистине надличностному духовному состоянию, дарующему герою свободу, бессмертие, внутреннюю непобедимость, выражен в формуле «превратить два в одно» (речь идет о двух составляющих человеческой сущности). Здесь описывается результат такого синтеза в рамках мифического мировосприятия.

Перейдем теперь к доминантному значению этих изначальных героических традиций, то есть к мистической концепции победы. Основной предпосылкой здесь является признание действительного соответствия между физическим и метафизическим, между видимым и невидимым. Это признание осознается там, где действия духа являются сверхиндивидуальные черты и выражаются через реальные действия и факты. Духовная реализация на такой основе становится тайной душой определенных истинно воинских подвигов, чьим высшим выражением является сама победа. В этом случае все материальные аспекты военной победы становятся выражением действия духа, которое привело к победе, точкой соединения внешнего и внутреннего. Победа становится подобной видимому знаку посвящения в мистическое возрождение, произошедшее в самом себе. Фурии и Смерть, которым воин бросил вызов материально на поле брани, противостоят ему также внутренне, скорее в духовном плане, в форме грозного вторжения глубинных сил собственной личности. Если ему удастся одолеть их, победа будет за ним.

В этой связи объясняется также, почему каждая победа приобретает особый священный смысл в мире Традиции. Именно поэтому опытный военачальник, завоевавший славу на полях сражений, чувствовал присутствие и переживал опыт преобразующей его мистической силы. Глубокий сверхземной смысл, рождающийся из славы и героической «божественности» победителя, становится, таким образом, более понятным. Этим же объясняется, что древняя римская традиция победы имеет скорее сакральные, нежели военные черты: повторяющаяся символика древних арийских традиций богинь победы, валькирий и иных подобных сущностей, которые ведут на небо душу воина, подобного дорическому Гераклу, принимающему от богини Ники венец, который введет его в круг олимпийских бессмертных. Этот символ предстает теперь в совершенно ином свете, и становится понятно, что расхожая точка зрения, что, дескать, все это лишь «поэзия», риторика и басни, является совершенно неверной и поверхностной.

Современная мистическая теология учит, что во славе совершается освящающее духовное преображение. Поэтому во всей христианской иконографии вокруг головы святых и мучеников изображается нимб славы. Все указывает на то, что речь идет о наследии, хотя и очень оскудевшем, наших самых высоких героических традиций. И в самом деле, арио-иранская традиция говорит о небесном огне Хварено, который символизировал славу и который нисходил на царей и подлинных вождей, делая их бессмертными и позволяя, таким образом, становиться воплощенным свидетельством победы... Древняя царская корона с лучами как раз и символизировала славу, пылающую подобно солнечному и небесному огню. Свет, солнечное великолепие, слава, победа, божественная царственность – эти образы находились в центре арийского космоса и были тесно связаны друг с другом – и не в качестве абстракции или выдумки, а как ясное выражение совершенно реальных сил и сфер. В данном контексте мистическая доктрина борьбы и победы представляет собой светлую вершину нашей общей концепции действия в традиционном смысле.

Эта концепция сегодня снова взывает к нам. И мы в состоянии понять ее, конечно при условии, что дистанцируемся от ее внешних или обусловленных временем проявлений. Сейчас, как и раньше, необходимо победить духовную усталость и анемию, порожденную упрощенными абстрактными умозаключениями, либо жалкими благо-

честивыми сантиментами, и, таким образом, преодолеть материалистическую дегенерацию действия. Что лучше может подойти для достижения этой цели, как не вышеупомянутые идеалы арийской древности?

Но это еще далеко не все. За последние годы материальное и духовное напряжение достигло на Западе такой степени концентрации, что его можно преодолеть только путем борьбы. В современную эпоху, в условиях военного времени это напряжение необходимо контролировать и преобразовать в динамику новой цивилизации, и не только посредством абстрактных идей, общих допущений и уже известных, хотя и неосознанных мифов. Сегодня, чтобы над руинами поверженного и проклятого мира для Европы занялась заря новой эпохи, требуется гораздо более глубокое и существенное действие.

Однако в этой перспективе многое будет зависеть от того, какую форму индивид придаст боевому опыту: сумеет ли он подняться до уровня героизма и самопожертвования, как личного катарсиса, как средства освобождения и внутреннего пробуждения. И не только для окончательного и триумфального выхода из перипетий нынешнего бурного периода, но также и для придания формы и смысла тому порядку, который установит победа. Это задача наших бойцов – внутренняя, невидимая, лишённая красивых жестов и высоких слов – будет иметь решающий характер. Именно в ходе самого сражения и необходимо пробуждать и укреплять силу, которая, преодолевая мучения, лишения и кровь, будет всем способствовать новому созиданию своим великолепием и всемогущим миром. Поэтому сегодня необходимо постигать действие в чистом виде на поле битвы, и не только в смысле мужской аскезы, но также и великого очищения на пути к высшим формам жизни, представляющим ценность самих по себе. В то же время это означает, в определенном смысле, возврат к древней арийской традиции. Из глубины времен долетают до нас слова: «Жизнь, как лук, душа, как стрела, абсолютный дух, как цель, которую должна поразить стрела». И сегодня тот, кто в бою находит себя в этом образе, сумеет выстоять там, где падут другие; он будет обладать неодолимой силой. Этот новый человек преодолет в себе всю драму, всю темноту и хаос, он будет приближать наступление новых времен, начало нового развития... Этот героизм лучших, согласно определению изначальной арийской традиции, может на самом деле приобрести пробуждающую функцию, функцию восстановления контакта, утерянного за много веков, между миром и сверх-миром. Тогда сражение перестанет быть всего лишь ужасной большой бойней, не обретет характер отчаянной безысходности, вызванной жаждой власти, но превратится в доказательство права и миссии великого народа. В этом случае состояние мира не будет означать погружение в каждодневную обывательскую тьму или удаление от духовного напряжения борьбы, но напротив – реализацию такого напряжения.

Именно ради этого сегодня мы вновь хотим обрести принципы наших предков, прекрасно выраженные в словах: «Кровь героев священнее чернил мудрецов и молитв верующих». Именно эта идея лежит в основе традиционной концепции, в соответствии с которой в священной войне в гораздо большей степени задействованы не люди, а изначальные мистические силы расы. Это они, эти первозданные силы, создают мировые империи и даруют человеку победоносный мир!

НАСЛЕДИЕ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ И РАСОВАЯ ИДЕЯ

Имя итальянского консервативного революционера и мыслителя-традиционалиста Юлиуса Эвола достаточно известно в России, поэтому нет нужды лишней раз обращаться к вехам его биографии и тезисам его философии. Укажем лишь на работы Эвола, изданные на русском языке: «Языческий империализм» (перевод А.Д. Дугина, – М., 1994 – 172 с); «Метафизика пола» (перевод В.И. Русинова, – М., 1996 – 448 с); «Люди и руины» (перевод В.В. Ванюшкиной, – М., 2002 – 288 с); «Оседлать

тигра» (перевод В.В. Ванюшкиной, – СПб., 2005 – 512 с); «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера» (перевод В.В. Ванюшкиной, – СПб., 2005 – 192 с); [«Фашизм: критика справа»](#) (перевод В.В. Ванюшкиной, – М., 2005 – 80 с). К этому списку можно было бы добавить и несколько публикаций в периодических изданиях, в основном маргинального характера.

Большинство из указанных трудов были написаны мыслителем в послевоенные годы, и, разумеется, с учетом определенной политической конъюнктуры (за исключением «Языческого империализма» – ранней работы, взгляды, высказанные в которой, он впоследствии радикально пересмотрел). Стоит напомнить, что в 1951 году Эвола попал на скамью подсудимых по обвинению в принадлежности к неонацистской группе «Фасции революционного действия» (его участие сводилось к разработке идеологических вопросов, «прямое действие» ему было не доступно из-за полученной во время войны травмы позвоночника).

Хотя обвинение и было снято, клеймо «последователя Муссолини» осталось на Эволе до конца его долгой жизни. Разумеется, философ вовсе не желал быть жупелом, что и отразилось на большинстве его послевоенных работ. В них он вынужденно старался либо вовсе уйти от расовой тематики, либо формально отказывался от своих взглядов на эту проблему второй половины 1930-х – 1940-х годов. Таким образом, можно считать несомненным тот факт, что Эвола в период якобы «тоталитарного» фашистского режима был гораздо более свободен в своих оценках, нежели чем в «демократической» Италии.

Последствием «избирательного» подхода в издании трудов Эволы неизбежно привело к довольно односторонней оценке наследия мыслителя в современной России. Отечественные «традиционалисты», как правило, являются поклонниками «ориентализма» и тезиса о «свете с Востока»: отсюда все крайне спорные идеи и инициативы насчет некоей «евразийской империи». Однако идея Традиции, лишенная расовой компоненты, является, по сути, неполноценной и кастрированной. Известно, что именно это стало причиной разрыва самого Эволы с его учителем Рене Геноном, чье восхищение Востоком и «восточными людьми» доходило до противоестественных форм и решений.

В «Указаниях по расовому воспитанию» Эвола адресует подобным неразборчивым «искателям неутраченных источников традиции» следующие весьма справедливые строки: «В азиатских цивилизациях нет ничего изначального, и еще меньше чистого. Истоки наиболее высокоразвитой цивилизации, характерной для белых рас и, в общем, для индоевропейских народов, находятся не на Востоке, а на Западе и Северо-Западе... В сравнении с великолепием северо-западной и арийской предыстории, восточно-азиатские цивилизации предстают сумеречными и гибридными, как в духовном, так и в этническом плане. То, что в них скрыто действительно великого и просветленного, восходит в действительности к начальному цивилизаторскому действию ядра, принадлежащего к господствующим северо-западным расам».

Тем не менее, до сих пор раздаются голоса, которые проклинают Запад, Европу и всю «белую цивилизацию» в целом. Хотя при этом обычно лицемерно заявляется, что проклятия предназначаются исключительно буржуазному, развращенному Западу, так называемому «царству количества», «власти чандалы», «господству третьего сословия» и проч., вся эта риторика суть лишь жалкая ширма, не способная скрыть пещерную ненависть к тому, что еще способно возродиться и вызволить мир из объятий хаоса. Что бы ни говорили Дугин и его друг Джемаль, открыто восхищающиеся действиями исламистских безумцев, бесчинствующих в Европе, азиатские орды никогда не смогут принести на Запад ценности высшего порядка. Их приход будет означать «всего-навсего» тотальное физическое уничтожение европейских этносов.

Однако вернемся к расовым изысканиям итальянского мыслителя. Для Юлиуса Эвола характерна аристократическая оценка расовой теории. Он не склонен сводить ее лишь к биологическим основаниям (что было характерно для некоторых немецких расологов XIX – первой половины XX вв.). Но, – и это необходимо подчеркнуть, – Эвола никогда не оспаривал главного тезиса европейской расологии: то, что движущей силой истории всегда и всюду являлись этнические элементы, имеющие непосредственное отношение к нордической расе (которую он также именует «солнечной», указывая на то, что она является «высшей и предшествующей всем другим»). Главным расхождением итальянского традиционалиста с «классическим расизмом» является то, что последний вышел из социал-дарвинизма, Эвола же категорически отвергает теорию эволюции, отстаивая принцип инволюции, то есть деградации (прежде всего, духовной) высших форм человечества.

Но Эвола, разумеется, не отказывается от всего, что было наработано расовой наукой. Он отнюдь не выступает противником мероприятий селективного, евгенического и демографического характера. Более того, он прозорливо отмечает: «В области демографии мы не можем довольствоваться исключительно количественными критериями, поскольку надо рассматривать и качественный аспект; надо задаваться вопросом, каких детей хочет иметь быстро растущая нация. Простое неразборчивое размножение без учета расового состояния всей нации может способствовать и, в конце концов, привести к вторжению элементов менее желательной расы в ущерб высшей, но меньшей по численности расе». Таким образом, в «биологической» части расовой теории Эвола выступает последователем известных евгенических идей.

Биологический аспект расологии ученый называет «расизмом первого уровня». Он является необходимой предпосылкой для дальнейших выводов мыслителя. На втором уровне, где речь заходит о так называемых «расах души», Эвола предлагает установить соответствие между «телом» и «душой» расы. Эту идею философ позаимствовал у немецкого расолога Людвиг Клаусса, автора теории «расовых душ», или психоантропологии (на русском языке см: Клаусе Л. Раса и душа // За русское дело. – СПб., 1999 -№6- ее. 4-5; его же: Нордическая душа//Атака, – М., б/г. – № 104 – ее. 57-61). Психоантропология отмечает, что «каждая раса имеет высшую ценность в себе самой» и определяет «стили поведения» разных рас. Тут уместно привести цитату из того же Клаусса: «В широких кругах народа утвердилась догма о всеобщей ценности нордического человека. Тот, у кого светлые волосы или другие телесные признаки нордического человека, стал видеть в этом гарантию своей ценности как человека и члена общества. С другой стороны, у честных немцев в рамках той же догмы возник комплекс собственной неполноценности, если при взгляде в зеркало названных признаков не обнаруживалось. Некоторые отчаивались и даже кончали самоубийством. Этот трагический конец, решение лучше покончить с собой, чем жить, сознавая свою неполноценность, как раз доказывает, что у этих людей преобладала нордическая линия переживания». На то же самое неоднократно указывал и сам Эвола (при этом, разумеется, отдавая себе отчет в том, что большинство итальянцев не принадлежит к нордической расе): «Необходимо решительно выступать против такого расизма, который считает все духовные способности и всю человеческую ценность простым следствием расы в биологическом смысле этого термина...». Таким образом, здесь главной ценностью для Эвола был именно нордический стиль поведения, нордическая душа.

Наконец, третий уровень представлен расами духа. «Раса – это глубинная сила, которая проявляется как в физическом плане, так и в духовном», – пишет ученый, добавляя: «В широком смысле слова, чистота расы имеет место, когда наблюдается совпадение этих двух факторов». Концепция «расы духа» отличается от концепции «расы души» тем, что первая не занимается различными типами реакции человека на среду и на каждодневный опыт, но «занимается его отношениями с духовным, божественным, надчеловеческим миром». Согласно Эволе, именно этот – третий уровень расовой теории – и является высшим.

Не имея возможности подробно разбирать все аспекты расовых воззрений Эвола, отошлем читателя непосредственно к самим текстам философа. Добавим лишь, что указанные нами выше «досадные перекося» в оценке наследия мыслителя привели также к «перекосям» в переводах некоторых его работ. К примеру, один «любитель» взялся за перевод публикуемого здесь текста «Указания по расовому воспитанию». Отчего-то этот «специалист» не удосужился хотя бы в общих чертах ознакомиться с началами расовой теории (что, благодаря стараниям В.Б. Авдеева и его соратников, в нынешней России стало вполне доступно). В итоге, динарская раса «превратилась» в динамическую, а фальская – стала «фаллической» (!?). Хорошо, что адекватный перевод этой важнейшей работы наконец появился.

Петр ЕРЕМЕЕВ

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).